

**ПОЛИТИКА И ПРАВО
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА**

***МАТЕРИАЛЫ
XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ***

14-15 апреля 2015 г.

Москва 2015

УДК 32+34+316+338

ББК 66.3(2Рос)0

П50

*Полное или частичное воспроизведение или распространение
каким бы то ни было способом материалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения авторов.*

Политика и право в социально-экономической системе общества [Текст] : материалы XIV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 14-15 апреля 2015 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». – Москва: Изд-во «Институт стратегических исследований»: Изд-во «Перо», 2015. – 96 с.

ISBN 978-5-00086-414-2

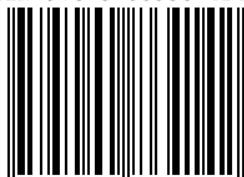
Сборник докладов четырнадцатой Международной научно-практической конференции «Политика и право в социально-экономической системе общества» содержит научные статьи студентов, аспирантов, соискателей, докторантов, ученых, научных сотрудников вузов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, отражающие изменения, происходящие в структуре юридического, социально-экономического и политического знания.

Предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами, касающимися правового регулирования общественных отношений и экономики.

УДК 32+34+316+338

ББК 66.3(2Рос)0

ISBN 978-5-00086-414-2

9 785000 864142 >

© Авторы научных статей, 2015

© Перо, 2015

© Институт стратегических исследований, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ерофеев Е.В.

МОТИВИРУЮЩИЕ И ДЕМОТИВИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ
РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 6

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Замрыга Д.В.

ПРИНЦИП СОБЛЮДЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ 12

Захаренко Д.С., Торосян Э.С.

ПРАВОВАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ:
ДИСКУССИЯ О ДОПУСТИМОСТИ 17

Куанчалева Л.Ш.

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ СВОДА ЗАКОНОВ
НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВЕКОВ 21

Кулик Т.Ю.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 10
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА О ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ 25

Максуров А.А.

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КООРДИНАЦИОННОЙ
ТЕХНОЛОГИИ) 31

Рафикова Г.Х., Аминов И.Р.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ 35

Седова Н.Г.

ЗАЩИТА АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОГО
ИМУЩЕСТВА В ПОРЯДКЕ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 40

Торхов Я.А.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ СТАТУС» 46

Фисенко С.Б.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОПРОСА
ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 50

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ангел О.Ю., Кристерева К.Н.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА
ФРИЛАНС-УСЛУГ И ЕГО ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 55

Исанова А.А.

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 57

Тезйел (Аглиуллова) А.Х.

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 61

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алигаджиева М.А.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКРЕТИКИ 68

Волохо А.В.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ..... 72

Гриванов Р.И.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОККУПАЦИОННАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ США В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМОЙ..... 82

Кравцов Н.А.

О ЗНАЧЕНИИ ПРОБЛЕМАТИКИ ИСКУССТВА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ АРИСТОТЕЛЯ..... 88

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 331.101.3

ББК 65.24

Ерофеев Е.В. ©

Аспирант экономического факультета,
НИИ Труда и социального страхования
Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации

МОТИВИРУЮЩИЕ И ДЕМОТИВИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация

Целью данной статьи является знакомство российского читателя с используемыми западными мерами по мотивации персонала сферы информационных технологий, а именно: разработчиков программного обеспечения и тестировщиков.

В статье представлены многие демотивационные и мотивационные мероприятия, способные существенно изменить эффективность труда конкретного работника, задействованного в отрасли ИТ.

Ключевые слова: эффективность труда, мотивация, демотивация, мотивация в ИТ, разработчик, тестировщик.

Учитывая важность мотивации инженеров программного обеспечения, был выполнен обзор литературы, посвященной теме мотивации инженеров программного обеспечения и являются ли разработчики программного обеспечения «особенной» группой. Систематический обзор литературы оценивает и интерпретирует все имеющиеся результаты исследований, относящихся к конкретному вопросу. Главная цель исследования была определить наиболее эффективные меры мотивации персонала в организации информационных технологий? Какие модели мотивации существуют в программной инженерии? Сначала рассмотрим выявленные демотивирующие факторы.

© Ерофеев Е.В., 2015 г.

Демотивирующие факторы.

Факторы, мотивирующие сотрудника на ранних стадиях его карьеры, могут оказать противоположный эффект на более опытных работников. Например, недавно принятый на работу работник организации информационных технологий, может быть высоко мотивирован обеспечением ему гарантии занятости и строгим контролем, в то же время, комбинация данных факторов, особенно строгий надзор, может оказаться демотивирующим для опытного индивида. Опытный сотрудник, скорее всего, будет мотивирован сложной интересной разноплановой задачей, возможностью признания своей работы и автономии.

Список демотиваторов, которые необходимо постараться исключить: [4;5;7]

- *риск;*
- *стресс;*
- *неравенство;*
- *неинтересная работа;*
- *нечестная система наград;*
- *недостаток промощенных;*
- *недостаток общения с руководителем;*
- *зарплата меньше рыночной;*
- *недостижимые цели;*
- *напряженный рабочий климат;*
- *плохие условия работы и рабочего места;*
- *плохое руководство;*
- *производство низкачественного программного обеспечения;*
- *несоответствие по культурным принципам;*
- *нехватка влияния и отсутствие возможности выразить собственное мнение.*

На основе вышеизложенных данных возможно выделить такие мотивирующие мероприятия, охватывающие в себя как внутренние факторы, связанные с характером отрасли, так и внешние, которые могут быть присущи и другим областям. Также необходимо привязать каждый фактор к одной или нескольким из четырех базовых потребностей – исчерпывающая категоризация человеческих потребностей на 4 группы, выявленная эволюционными психологами: (подробнее см [3] и Ерофеев «*Современный подход к мотивации*» (в печати)) приобретения, сопричастности, понимания и социальных гарантий и сопоставить каждой из них конкретный пример.

Приобретения – потребность в накоплении материальных и нематериальных благ, для поддержания чувства благополучия.

Сопричастность – потребность быть вовлеченным в процессии являться частью определенного коллектива.

Понимание – потребность в новой информации, познании мира и среды.

Социальные гарантии - потребность быть в защищенности.

Суть в использовании данных 4 стимулов состоит в том, что каждая мотивационное мероприятие удовлетворяет ту или иную потребность человека, и важно, чтобы при выборе мотивационных мер, все 4 потребности были «закрытыми».

В таблице 1 представлены наиболее важные мотивационные меры, представленные на основе вышеизложенного материала, для мотивации разработчиков программного обеспечения и тестировщиков [3-10].

Таблица 1

Важнейшие мотиваторы для работников организаций информационных технологий и психологические потребности

Мотиватор	Включает стимулы:	Пример
1. Премии, награды, вознаграждения.	Приобретение	Вознаграждения и бонусы за повышение производительности
2. Чувство собственной ответственности	Сопричастность	Разработчику передаётся ответственность за часть проекта
3. Четкая постановка целей	Понимание	Четко поставленная задача, ясные инструкции
4. Тренинги, семинары	Понимание Социальные гарантии	Дополнительное образование, курсы повышения квалификации
5. Возможность самостоятельного принятия решений на определенном этапе работы	Сопричастность	Свобода в инструментари при выполнении задач
6. Технически сложная, интересная работа	Понимание	Задача, требующая применения всех компетенций сотрудника
7. Признание своей работы коллегами и руководством компании	Понимание Сопричастность	Признание коллегами/руководством результатов успешно-выполненной сложной работы

Окончание таблицы 1

Мотиватор	Включает стимулы:	Пример
8. Значимость, масштабность задачи	Понимание	Степень важности выполняемой цели для заказчика
9. Комфортные условия работы	Сопричастность Социальные гарантии	Соответствующие инструменты на рабочем месте
10. Разнообразие работы	Понимание	Отсутствие монотонных задач.
11. Обратная связь от начальства	Сопричастность	Своевременные корректирующие комментарии от начальства
12. Грамотный менеджер	Сопричастность Социальные гарантии	Личная поддержка менеджера, тимбилдинги
13. Возможность карьерного роста	Приобретение	Промоушены, планирование карьеры
14. Доверие/уважение со стороны коллег и начальства	Сопричастность	Признание своей работы коллегами
15. Сотрудничество между программистами/ командная работа	Сопричастность	Взаимопомощь и поддержка друг друга
16. Дружеская атмосфера	Сопричастность	Дух всеобщей поддержки в команде
17. Гибкость рабочих часов, оптимальная удаленность места работы от дома	Сопричастность	Гибкость рабочих часов, удаленность места работы от дома
18. Работа в финансово-успешной компании	Приобретение Социальные гарантии	Развивающаяся финансово-успешная компания
19. Равенство в команде	Сопричастность	Отношение без предвзятости
20. Безопасность работы/охрана	Социальные гарантии	Тишина на рабочем месте, пункт пропуска

При этом наиболее чаще встречаемыми в обзорах по мотивации разработчиков были такие факторы, как четкая постановка целей,

личная ответственность, разнообразность задач и карьерный рост. Четкая постановка целей особенно важна, так как, во-первых извбавляет разработчика самого придумывать план действий, во-вторых, сокращает время, а, следовательно, и стоимость проекта из-за отсутствия необходимости делать лишнюю работу, или браться за ее исправление впоследствии. Разнообразность задач и чувство личной ответственности соответствуют внутренней мотивации, что очень важно при формировании длительного и сильного мотива сотрудника для выполнения работы [2].

Заключение.

Были рассмотрены основные мотивационные и демотивационные меры для разработчиков программного обеспечения и тестировщиков.

Из них необходимо выбрать соответствующие мероприятия, которые позволят достигнуть нужного эффекта для каждого конкретного сотрудника, что, безусловно уже ложится на задачу формирования эффективной системы мотивации и грамотности руководителя.

Литература

1. Ерофеев, Егор Валерьевич. "Влияние внешних стимулирующих факторов на внутреннюю мотивацию сотрудников." Интернет-журнал Науковедение 1 (20) (2014).
2. Ерофеев, Егор Валерьевич. "Разработка инструментария для мотивации работников организации информационных технологий." Интернет-журнал Науковедение 1 (20) (2014).
3. Nohria, Nitin, Boris Groysberg, and L. Lee. "Employee motivation: A powerful new model." Harvard Business Review 86.7/8 (2008): 78.
4. Baddoo, Nathan, and Tracy Hall. "De-motivators for software process improvement: an analysis of practitioners' views." Journal of Systems and Software 66.1 (2003): 23-33.
5. Sharp, Helen, et al. "Models of motivation in software engineering." Information and Software Technology 51.1 (2009): 219-233.
6. Beecham, S., Baddoo, N., Hall, T., Robinson, H. and Sharp H. (2006). Protocol of a Systematic Literature Review of Motivation in Software Engineering, Technical Report No. 452 School of Computer Science, Faculty of Engineering and Information Sciences, University of Hertfordshire.
7. Couger, J.D. Motivators vs. demotivators in the IS environment, Journal of Systems Management 39 (6) (1988) 36-41.
8. Couger, D. J. and McIntyre, S. C. (1987-1978). Motivation Norms of Knowledge Engineers compared to those of Software Engineers, Journal of Management Information Systems 4 (3): 82-93.

9. Couger, D. J. and Zawacki, R. A. (1980). *Motivating and Managing Computer Personnel*, John Wiley & Sons.
10. Couger, J. D., Adelsberger, H., Borovits, I., Zviran, M. and Juzar Motiwalla (1990). Commonalities in motivating environments for programmer/analysts in Austria, Israel, Singapore, and the U.S.A, *Information & Management* 18 (1): 41-46.
11. Ferratt, T.W. and Short, L.E. (1986) Are information systems people different: an investigation of motivational differences, *Management Information Systems Quarterly* 10 (4) 377–387.
12. Frangos, S. A. (1997). Motivated humans for reliable software products, *Microprocessors and Microsystems* 21 (10): 605-610. Elsevier Sci B.V., Amsterdam, Netherlands.
13. MoMSE (2005). *Modelling motivation in software engineering Case for Support*. (EPSRC Proposal, EPSRC Reference: EP/D057272/1).
14. Thatcher, J. B., Liu, Y. and Stepina, L. P. (2002). The role of the work itself: An empirical examination of intrinsic motivation's influence on IT workers attitudes and intentions, *Proceedings of the ACMSIGCPR Conference*: 25-33. Association for Computing Machinery.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 346.2

Замрыга Д.В. ©

Старший преподаватель кафедры ПиКП ФГБОУ ВПО ЮУрГУ (НИУ),
г. Челябинск

ПРИНЦИП СОБЛЮДЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

THE PRINCIPLE OF FEEDBACK IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC CORPORATIONS

Аннотация

Автор статьи рассматривает особенности применения принципа соблюдения обратной связи в деятельности государственных корпораций. Автор отмечает, что государственные корпорации осуществляют исполнение «расходных обязательств», при этом государственные корпорации не обладают финансово-правовым статусом, поэтому расходные обязательства трансформируются в денежные обязательства.

Abstract

The author of the article considers the peculiarities of application of the principle of feedback in the activities of public corporations. The author notes that the state corporation carried out a performance of "expenditure commitments", while public corporations do not have the financial and legal status, therefore, expenditure commitments are transformed into monetary obligations.

Ключевые слова: государственная корпорация, расходное обязательство, принцип соблюдения обратной связи.

Keywords: public corporation, expenditure commitments, the principle of feedback.

© Замрыга Д.В., 2015 г.

Эффективное управление государственной собственностью является основной задачей, поставленной государством перед государственными корпорациями. Под эффективным управлением государственной собственностью понимают введение контроля над стратегически важными отраслями; создание инструментов модернизации экономики; обеспечение межотраслевого перераспределения ресурсов; поддержание низко рентабельных и капиталоемких секторов экономики; оптимизация государственной собственности [1,8].

Для каждой государственной корпорации характерен собственный набор целей, при этом неясна взаимосвязь установленных целей и полномочий, что возможно объясняет отсутствие ожидаемой эффективности их деятельности. Государство для достижения поставленных целей передает государственным корпорациям имущество в форме вноса в уставной капитал. Существует и обратная связь, которая выражается не только в выполнении поставленных перед ними государством задач, но и в наличии «расходных обязательств» возлагаемых на государственные корпорации, выражающиеся в выполнении ими государственных услуг, а также в виде уплаты налогов [2, 44-51]. Государственные корпорации, по мнению Стрельникова В.В., «несут на себе нагрузку по финансированию расходных обязательств Российской Федерации в соответствии с целями создания и деятельности конкретной корпорации». В целом, соглашаясь с позицией Стрельникова В.В. о наличии «обратной связи» между бюджетом и государственными корпорациями, следует отметить, что в соответствии со ст. 6 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, расходные обязательства – это обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета [3]. Таким образом, в ст. 6 Бюджетного Кодекса Российской Федерации закреплён закрытый перечень субъектов, на которых может быть возложено расходное обязательство. Государственные корпорации не обладают особым финансово-правовым статусом и не относятся к вышеуказанной категории субъектов. Однако, государственные корпорации осуществляют финансирование проектов, отвечающим признакам расходных обязательств. Рассмотрим несколько примеров.

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (далее – ГК «Росатом») создана в целях, предусмотренных ст. 4 Феде-

рального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (*далее — закон*) [4]. Перечень целей ГК «Росатом» является закрытым. В то же время анализ подзаконных актов, а также данных официального сайта ГК «Росатом» показал наличие полномочий, соответствующих не только основным (указанным в законе) целям, но и иным целям, которые можно разделить на дополнительные и сопутствующие [5, 51-54]. Во исполнение целей развития и безопасного функционирования организаций атомного энергопромышленного и ядерного оружейного комплексов Российской Федерации, организаций и развития атомной науки, техники в своей деятельности ГК «Росатом» выполняет дополнительную цель развитие и использование различных формы реализации инноваций. Для чего разработаны программа инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» на период до 2020 года, Федеральная целевая программа "Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010 - 2015 годов и на перспективу до 2020 года", концепция по развитию технологии высокопроизводительных вычислений на базе СУПЕРЭВМ экзафлопного класса [6,7,8]. ЗАО «Русатом Оверсиз» осуществляет сопутствующую цель - продвижение интегрированного предложения и развитие российского атомного бизнеса за рубежом. ОАО «Атомкомплект» осуществляет сопутствующую цель - организация размещения заказа при проведении закупок за счет внебюджетных и собственных средств для подведомственных предприятий, организаций ГК «Росатом». В рамках сопутствующей цели - информирования населения об использовании атомной энергии, под эгидой ГК «Росатом» в столицах регионов, где строятся, либо функционируют объекты атомной отрасли, открываются информационные центры по атомной энергии.

Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта (*далее – ГК «Олимпстрой»*) для достижения цели своей деятельности, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горно-климатического курорта» от 30.10.2007 № 238-ФЗ, осуществляет следующие функции: в соответствии с Программой строительства и требованиями Международного олимпийского комитета и Международного паралимпийского комитета к олимпийским объектам организует работы и осуществляет иные мероприятия, направленные на строительство олимпийских объектов за счет собственных средств и (или) средств других инвесторов, включая: спортивные объекты; объекты транспортной, инженерной инфраструктуры, а также инфраструктуры связи; объекты электроэнергетики; объекты

туристской индустрии и объекты здравоохранения; объекты природоохранного назначения; объекты обеспечения безопасности [9]. Осуществляет финансирование из собственных средств и за счет привлеченных средств приобретение жилые помещения в многоквартирных домах, земельные участки и (или) расположенные на них индивидуальные жилые дома, организует работы и осуществляет иные мероприятия, направленные на строительство за счет собственных средств индивидуальных жилых домов, жилых домов блокированной застройки или многоквартирных домов для предоставления гражданам взамен изымаемых в федеральную собственность для федеральных нужд земельных участков и расположенных на них индивидуальных жилых домов или жилых помещений в многоквартирных домах, а также организует работы и осуществляет иные мероприятия, направленные на строительство, объектов инженерной инфраструктуры, необходимых для обеспечения указанных индивидуальных жилых домов, жилых домов блокированной застройки или многоквартирных домов.

Юридические лица идентичные по своему правовому статусу с государственными корпорациями существуют во многих зарубежных правовых порядках.

Например, в Японии была создана публичная компания Japan Highway Public Corporation. Целью создания которой было строительство и эксплуатация платных автомагистралей национального значения [10]. В Чили создана национальная меднодобывающая корпорация Codelco или Corporation National del Cobre de Chile, объединившая существовавшие месторождения в единую горнодобывающую, промышленную и торговую корпорацию [11].

Таким образом, применение государственной корпорации как формы воздействия государства на экономику является одним из направлений в развитии традиционной системы юридических лиц [12, 65-68]. При этом, расходные обязательства выполняемые государственными корпорациями, утрачивают статус расходного обязательства, как, следствие, приобретают статус денежного обязательства, возникающего в связи с выполнением государственными корпорациями целей и задач, поставленных перед ними государством, обеспечивая выполнения принципа обратной связи.

Литература

1. Степанов В.А., Государственная корпорация как институт рыночной экономики: автореферат дис. ... канд. экон. наук. / В.А. Степанов. – М., 2010. – 25 с.

2. Стрельников В.В., Взаимодействие государственных корпораций и бюджета / В.А. Степанов // Государственные корпорации и децентрализованные публичные финансы: Ежегодник. 2008 / под общ. ред. С.В. Запольского, Д.М. Щекина. – М.: Статут, 2009. – 157. – С. 44-51.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
4. Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6078.
5. Замрыга Д.В., Цели создания государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» / Д.В. Замрыга // Сборник II ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Право и бизнес: правовое обеспечение благоприятного предпринимательского климата в Российской Федерации». приложение к журналу Предпринимательское право. – М., ООО «Национальная полиграфическая группа». – С. 51-54.
6. Паспорт Программы инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» на период до 2020 года (в гражданской части) // URL: <http://www.rosatom.ru>.
7. Паспорт Федеральной целевой программы "Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010 - 2015 годов и на перспективу до 2020 года" // URL: <http://www.rosatom.ru>.
8. Эксафлопные технологии концепция по развитию технологии высокопроизводительных вычислений на базе СУПЕРЭВМ эксафлопного класса (2012-2020 гг.) // URL: <http://www.rosatom.ru>.
9. Федеральный закон «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» от 30.10.2007 № 238-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 45. – Ст. 5415.
10. Japan Highway Public Corporation // URL:http://en.wikipedia.org/wiki/Japan_Highway_Public_Corporation.
11. Государственные корпорации в современной России // URL:http://prompolit.ru/files/289856/public_corporation.doc.
12. Замрыга Д.В., Государственные корпорации в зарубежных правовых порядках / Д.В. Замрыга // Современные тенденции развития юридической науки: сб. материалов III Международной научно-практической конференции (21 марта 2014 г.). – Омск, 2014. – С. 65-68.

Захаренко Д.С.¹, Торосян Э.С.² ©

¹ Канд. юрид. наук, преподаватель кафедры гражданского права,

² студент ОФО Бакалавриат юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «КубГУ»

ПРАВОВАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ: ДИСКУССИЯ О ДОПУСТИМОСТИ

Судебная экспертиза – давно применяемый на практике вид судебных доказательств в гражданском процессе. Несмотря на это в судах допускаются различные ошибки процессуального характера, которые влекут нарушение прав и законных интересов лиц, участвующих в процессе. До настоящего времени существуют неразрешенные вопросы относительно понятия экспертизы и ее функций в процессе, места судебной экспертизы в системе институтов доказательственного права, определения доказательственной сущности заключения эксперта и т.д. Их уяснение имеет не только теоретическое, но и прямое практическое значение, поскольку позволяет правильно распорядиться экспертным заключением как доказательством по конкретному делу, избежать ошибок при назначении экспертизы, привлечении в процесс эксперта.

Судебная экспертиза – это самостоятельный и специфичный вид экспертизы, имеющий особую правовую регламентацию и статус [1, 2; 1]. С другими экспертизами ее объединяет то, что она, по сути, является исследованием, основанным на использовании специальных знаний. Однако авторы сходятся во мнении, что не любое исследование может именоваться судебной экспертизой. Основное требование состоит в том, чтобы экспертиза использовалась в судопроизводстве [1; 8].

В литературе также отмечается, что «отличительной чертой судебной экспертизы является производство исследований, основанных на специальных знаниях» [1; 8]. Легальное определение понятия «специальные знания» отсутствует. Однако традиционно под ним понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства.

© Захаренко Д.С., Торосян Э.С., 2015 г.

Дискуссионным в гражданско-процессуальной литературе является вопрос, относятся ли юридические знания к специальным. Именно данному аспекту предмета судебной экспертизы в гражданском процессе мы хотели бы посвятить настоящее исследование.

Долгое время в доктрине считалось, что общеизвестные знания, а также юридические знания (профессиональные знания, которыми субъект доказывания должен обладать по определению) не являются специальными. Эта позиция обосновывалась презумпцией, действовавшей еще в советском процессуальном праве: *Jura novit curia* (суду известно право: судьи знают право) [3, 4; 269, 18].

В действующем законодательстве нет прямого ответа на поставленный вопрос. Однако Верховный Суд РФ (далее ВС РФ) высказал свою позицию. В ходе обобщения судебной практики применения законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам были выявлены отдельные случаи, когда на разрешение экспертом (экспертами) ставились вопросы правового характера, рассмотрение которых, по мнению ВС РФ, относится к компетенции суда [5]. Рекомендуются учитывать разъяснения п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [6], согласно которым недопустима постановка перед экспертами вопросов правового характера. Среди наиболее распространенных категорий дел, в которых суды допускают такую ошибку, указаны дела, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий. В определениях о назначении по делу судебной автотехнической экспертизы часто ставят следующие вопросы: «Соответствовали ли действия истца и ответчика перед столкновением автотранспортных средств Правилам дорожного движения и если не соответствовали, то какие пункты Правил дорожного движения ими нарушены?». Также, по мнению ВС РФ, недопустимо ставить на разрешение экспертов вопрос о необходимости установления над гражданином опеки и т.п.

На наш взгляд, справедливо, что положения, которые относятся к числу вопросов, разрешаемых непосредственно судом, не должны выноситься на исследование эксперту. Эту позицию поддерживает большинство авторов [7, 8; 23].

Тем не менее, ряд ученых отмечает, что «в настоящее время судьи, как правило, владение знаниями только из определенных отраслей права и не в состоянии в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется и развивается. Во многих случаях про-

сто консультации с использованием юридических знаний бывает недостаточно. Необходимы именно исследования по определенным вопросам права, результаты которых даются письменно и оформляются в виде заключения (мнения) сведущего лица» [1; 10]. Считаем справедливым высказывание, что «при возникновении каких-либо сложных вопросов специального характера, находящихся на стыке юриспруденции и других наук, при необходимости суд может привлечь какого-либо специалиста именно в этой области» [8; 24].

Е.Р. Россинская предлагает ввести такой вид правовой экспертизы, как судебно-нормативная экспертиза. Это обосновывается тем, что назрела необходимость обособления и систематизации судебных экспертиз, посвященных исследованию нормативных актов и обоснованности издания на их базе правоприменительных актов (например, нормативно-налоговые, нормативно-экологические, нормативно-землеустроительные экспертизы, нормативные экспертизы, связанные с приватизацией и др.). По ее мнению, для того чтобы юридические (правовые) экспертизы не назначались с целью переложить на судебных экспертов решение задач, относящихся к компетенции следствия и суда, необходима глубокая проработка их предмета, задач, объектов, методов и методик [9; 234-241].

Еще одним дискуссионным вопросом в рамках допустимости правовой экспертизы является возможность назначения экспертизы по вопросам установления норм иностранного права. В некоторых работах, в которых категорически присутствует возражение против правовой экспертизы в целом, отдельно допускается указанная экспертиза [10, 11; 248, 442]. Ч. 1 ст. 166 Семейного кодекса РФ [12], а также ч. 2 ст. 1191 Гражданского кодекса РФ [13] допускают привлечение экспертов в целях установления содержания иностранных норм. Н.А. Конева считает, что «поскольку об эксперте речь идет только применительно к специальным знаниям, из этого можно заключить, что законодатель считает разъяснение норм иностранного права применением специальных знаний» [8; 25]. Однако есть и противоположное мнение. Так, по мнению Т.В. Сахновой, в данном случае речь идет не о судебной экспертизе как способе получения судебного доказательства, а о доказывании содержания иностранного права (использование показаний свидетеля-эксперта для доказательства иностранного права характерно для традиции англосаксонской системы) [7]. Поэтому она полагает, что правило ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ [14] (будет применяться по аналогии закона и в гражданском процессе) не означает включения правовых знаний – хотя бы только в отношении иностранного права – в сферу специальных (в

смысле ст. 82 АПК РФ). Мы считаем, что содержание норм иностранного права не входит в объем правовых знаний судьи. Следовательно, для разрешения данного вопроса будет привлекаться эксперт со специальными познаниями. Поэтому, представляется, что установление содержания норм иностранного права можно отнести к разновидности правовой экспертизы.

Среди современных сторонников допустимости экспертизы по правовым вопросам можно отметить А.А. Мохова. По его мнению, «пока теоретики продолжают спорить, практика не стоит на месте, начиная применять правовые по своей сути знания как специальные при разрешении различных категорий дел» [15]. Автор ссылается также на зарубежный опыт. Возможность прибегать к помощи эксперта в правовых вопросах известна для англо-саксонской системы и германского законодательства. Немецкий законодатель считает, что, несмотря на высокую квалификацию и компетентность судьи, тем не менее всегда могут возникнуть вопросы, которые требуют специальных знаний в праве [16; 123]. Международный Суд ООН при рассмотрении переданных ему споров вправе использовать в своей практике суждения наиболее квалифицированных специалистов по международному праву [17; 87].

Таким образом, полагаем, что подход относительно правовой экспертизы неоднозначен. Определенно суд не может ставить на решение эксперту вопросы о наличии или отсутствии обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, поскольку эти вопросы входят в компетенцию самого суда (ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ) [18]. Если же в ходе экспертного исследования по правовым вопросам эксперт может получить новые сведения о фактах, которые будут способствовать правильному рассмотрению и разрешению дела, то, на наш взгляд, в таких случаях правовая экспертиза просто необходима.

Литература

1. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011.
2. Мохов А.А. Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 9.
3. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997.
4. Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. М., 1995.
5. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам:

- утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 3.
6. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.
 7. Сахнова Т. Доказательственное значение специальных познаний // ЭЖ-Юрист. 2004. № 21.
 8. Конева Н.А. Правовая экспертиза в гражданском процессе: pro et contra // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 21 – 26.
 9. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // ARGUMENTUM AD JURIDICUM: Труды ВЮЗИ - МЮИ - МГЮА. Т. 2. М., 2006. С. 234 - 241.
 10. Геккер Э.Б. Основные вопросы экспертизы в советском гражданском процессе. Дисс.... канд. юр. наук. Иркутск, 1955.
 11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том I. М., 1968.
 12. Семейный кодекс Российской Федерации. М., 2014.
 13. Гражданский кодекс РФ: части первая, вторая, третья и четвертая. М., 2014.
 14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2014.
 15. Мохов А.А. Презумпция «судьи знают право» – рудимент правовой доктрины? // Эксперт-криминалист. 2007. № 1.
 16. Давтян А.Г. Гражданское процессуальное право Германии. М., 2000.
 17. Кузнецов И.А. Введение в теорию государства и права: Учебное пособие. Элиста, 2002.
 18. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2014.

Куанчалеева Л.Ш. ©

Старший преподаватель кафедры теории государства и права
и публичных дисциплин
Альметьевский филиал Института экономики, управления и права
(г. Казань)

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ СВОДА ЗАКОНОВ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Проникновение в Россию в конце XVIII в. полицейских идей обуславливало необходимость расширения пределов правового

го регулирования, осуществляемого государством. Следствием этого стало стремление верховной власти строго очертить права и обязанности государственных органов и должностных лиц, а также общий и специальный правовой статус подданных. Начало реализации этой тенденции на практике положило правление Екатерины II [1; 71-90, 52-75]. Однако своего завершения она достигла лишь при Николае I в Своде законов Российской империи [2; 27-39, 14-49]. При этом Николай I ориентировался на идеи и правовую политику Павла I [3; 33-89].

Реорганизацию законодательства Павел I считал одной из важнейших государственных задач: только твердо установив законы, можно было приступить к каким-либо реформам [4]. Именно император Павел впервые делает попытку создания свода законов. Еще в 1788г., когда цесаревич Павел только намечает преобразования, которые он предполагает осуществить, вступив на престол, отмечал, что законы, необходимо было в «порядок привести в их смысле», не издавая новых, лишь «сообразить старые с государственным внутренним положением» [5; 316-322]. Отношение императора к нормативно-правовым актам, прежде всего законам, отражено в акте «О собрании в Уложенной Комиссии и во всех Архивах изданных донныне узаконений и о составлении из оных трех книг законов Российской Империи: Уголовных, Гражданских и Казенных дел» [6; Т. 24, № 17652]. В соответствии с указом Генерал-прокурор должен был лично отобрать «искусных в делопроизводстве» и сведущих в законах чиновников, необходимых для быстрого и качественного решения поставленной задачи, и представить список государю для утверждения. Именным указом от 16 декабря 1796г. «Уложенной комиссии», возглавляемой генерал-прокурором князем Куракиным А.Б., было поручено собрать из архивов все законы и составить из них три книги законов: уголовных, гражданских и казенных дел. В соответствии с указом, необходимо было регулярно подавать на рассмотрение Сената эти книги по частям. Сенату вменялось в обязанность утверждать эти книги к изданию [6; Т. 24, № 17654]. По мнению императора, главным в письменном узаконении было указать «прямую черту закона», на которой должен основываться судья при принятии решения, то есть закон должен быть четко написан, не иметь никаких двусмысленностей и неясностей. В помощь генерал-прокурору для составления книг указ определял председателя Гражданской Палаты Ивана Яковлева и Алексея Поленова. Обοим устанавливалось жалование по 2000 рублей в год. Указом от 30 декабря 1796г. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения была переименована в Комиссию для составления законов Российской

империи, перед которой была поставлена задача упорядочить российское законодательство [6; Т. 24, № 17697]. За время правления Павла I этой Комиссией был собран обширный законодательный материал и составлены предварительные планы кодификации законов. Эти три книги должны были составить свод действующих законов. К концу царствования Павла I Комиссия частично справилась со своей работой: практически была завершена работа над книгой гражданских дел и составлены планы книг уголовных и казенных дел [7; 19-45, 269-291]. Однако поскольку она не была еще полностью завершена, новый свод законов не был издан.

Деятельность комиссии имела не только практическое, но и общетеоретическое значение именно благодаря тем задачам, которые поставил перед ней император, и его заинтересованном участии в ее работе. Её деятельность показала, с одной стороны, стремление Павла I к упорядочению существующего нормативного массива, с другой – создание по инициативе и при непосредственном участии императора строго упорядоченной системы законодательства и системы права, в которой в зависимости от предмета и метода правового регулирования нормы должны были располагаться по отраслевой принадлежности. Данная Комиссия существовала до 1826 г. до образования второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которому и было поручено приведение в порядок действующих законов.

Таким образом, существование бюрократического государства невозможно без четкой регламентации всех сторон жизни государства. Это объективно ставило проблему создания строгой законодательной системы. Законодательство рубежа XVIII-XIX вв. было ориентировано на всеобщность и доведенную до предела системность. Окончательно законодательство было кодифицировано не при Павле I, а в 30-е годы XIX века уже при Николае I. Император Николай Павлович, продолжив работу над кодификацией законов, избрал модель Свода законов, близкую к модели Императора Павла Петровича.

Литература

1. См.: Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. – М: Юриздат, 1993; Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия // Вестник МГИУ. – Серия «Гуманитарные науки». – № 2. – М.: МГИУ, 2002. –

- С. 71-90; Официальная политическая теория русского абсолютизма середины XVIII века // Власть и закон в России XVIII века. – М., 2004 – С. 52-75.
2. См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978; Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб: КультИнформПресс, 1995. – С 27-39; Томсинов В.А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. «Право», 2008. – № 3. – С. 14-49.
 3. См.: Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг. Ч. 1 Факторы, деятели, идеология – Екатеринбург: УраГС, 2004. – 252 с.; Свод законов Российской империи. – СПб., 1832. – Т.1. – Ч.1; Сорокин Ю.А. «Непросвещенный абсолютизм» Павла I: (Проблематика и опыт изучения). Учеб. пособие. Омск. гос. ун-т. – Омск, 1994. – С. 33-89; Российский абсолютизм последней трети XVIII века. – Омск, 1999.
 4. Павел Петрович. Мнение, каким образом располагать государственную оборону сообразно с местом, временем и случаем. \ \ РГВИА. Ф. ВУА. – Оп. 1. – Д. 202. – Л. 55.
 5. Павел Петрович. Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // Вестник Европы. – 1867. – № 3. – С. 316-322.
 6. Полное собрание законов Российской империи.– 1-е собр. – СПб., 1830.
 7. См. подробнее: Латкин В.Н. К истории кодификации в России в XVIII ст. // ЖМЮ.-1902.– № 5. – С. 19-45.; Правовое регулирование имущественных отношений / Под ред. З.М. Фатудинова, З.А. Ахметьяновой. - Казань: Познание, 2009. – 292 с. (Скоробогатов А.В. – Гл. 10 «Систематизация гражданского законодательства в России на рубеже XVIII – XIX вв.» С. 269-291).

Кулик Т.Ю. ©

К.ю.н., доцент кафедры процессуального права
Южно-Российского института управления Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 10 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ

Конституцией РФ закреплено правило, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (п. 3 ст. 17). Данная норма нашла конкретизацию во многих законах. Не стал исключением и Гражданский кодекс РФ. Статья 10 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2012 года злоупотребление правом раскрывает как «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав».

Абстрактность формулировки данной нормы не раз отмечалась учеными, которые убеждены, что такая формулировка только мешает эффективному применению данной нормы. В настоящее время в научной литературе сложилось несколько распространенных подходов к пониманию «злоупотребления правом».

Сторонники первой точки зрения рассматривают злоупотребление правом широко, как правонарушение, т.е. виновное, по общему правилу, деяние лица, которое носит противоправный характер. Противоправность в данном случае подразумевает нарушение действующей нормы права. Такой точки зрения придерживается, например, В.П. Грибанов, который отмечает: «Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [1. С. 63]. Интересно, что проведя анализ толкования слова «злоупотребление», можно найти подтверждение этой точки зрения. Так, злоупотребление определяется как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании

своих прав, возможностей» [2], «проступок, связанный с незаконным, преступным действием» [3], «проступок, преступление, состоящее в сознательном, незаконном и корыстном использовании своих возможностей и прав во вред другим» [4].

Злоупотребление в узком смысле рассматривается как «поведение, превышающее пределы осуществления права и причиняющее вред окружающим лицам, совершаемое с прямым или косвенным умыслом, т.е. собственно употребление права во зло другому» [5. С. 325].

В классической учебной литературе злоупотребление правом толкуется как «осуществление гражданами и юридическими лицами своих прав с причинением (прямо или косвенно) вреда другим лицам» [6. С. 36] при злоупотреблении правом лицо действует в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным образом.

В.С. Ем, связывая злоупотребление правом с исполнением обязательств, указывает, что «злоупотребление правом – самостоятельная, специфическая форма нарушения принципа осуществления гражданских прав в соответствие с их социальным назначением» [7. С. 69]. Аналогичной, однако более узкой точки зрения придерживается В.И. Емельянов, который говорит о злоупотреблении правом как о нарушении лицом обязанности по осуществлению своего субъективного права в интересах другого лица, установленной законом или договором [8. С. 56, 57].

Что касается действий в обход закона с противоправной целью, то они продолжают оставаться одним из самых трудных для понимания и толкования в судебной практике. Как неоднократно указывалось в научной литературе, обход закона не просто необходимо отграничивать от мнимых и притворных сделок, его необходимо отличать от совершения правомерных сделок, не поименованных в законе, но и не запрещенных им. Более того, некоторыми авторами акцентируется внимание на не вполне удачной формулировке, которая при буквальном толковании дает основания полагать, что существует обход закона с правомерной целью [9. С. 36].

Анализ судебной практики также свидетельствует об отсутствии у судов единого подхода к толкованию понятия «злоупотребление правом».

Суды признают злоупотреблением «заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [10]. В Определении ВАС РФ от 28 ноября 2013 года № ВАС-16464/13 по делу № А40-81364/11-36-385Б дается более развернутое понятие: «Под злоупотреблением правом понимается умышленное поведение управомоченного лица по

осуществлению принадлежащего ему гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в названной статье пределов осуществления гражданских прав, причиняющее вред третьим лицам, или создающее условия для наступления вреда. Вместе с тем, исходя из пункта 3 ст. 10 ГК РФ о презумпции добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений и общего принципа доказывания в арбитражном процессе, лицо, от которого требуется разумность или добросовестность при осуществлении права, признается действующим разумно и добросовестно, пока не доказано обратное» [11]. При этом критерием оценки правомочности поведения субъектов соответствующих правоотношений – при отсутствии конкретных запретов в законодательстве – могут служить нормы, закрепляющие общие принципы гражданского права [12].

Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что «осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит свое поведение с интересами общества и государства; не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [13].

Необходимо принимать во внимание, что «сторона в гражданских правоотношениях может злоупотребить только своим действительным правом» [14].

Злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, которые ставили другую сторону в положение, когда она не могла реализовать принадлежащие ей права [15].

Непосредственной целью санкции, содержащейся в статье 10 Гражданского кодекса, а именно отказа в защите права лицу, злоупотребившему правом, является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления. Следовательно, для защиты нарушенных прав потерпевшего суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, ссылающегося на соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства. Поэтому упомянутая норма закона может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика (пункт 5 Информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 года № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В любом случае, представляется, что лицо, злоупотребляющее правом, действует с умыслом. Такой вывод следует из практики применения ст. 10 ГК РФ. Как разъяснено в пункте 10 Постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в случае, когда гражданин обращается в государственные органы и органы местного самоуправления с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений [16].

Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом.

Соответственно в том случае, если судом не будет установлено, что обращение в государственные органы было подано с намерением причинить вред другому лицу, то лицо, обратившееся с таким заявлением в государственные органы, не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации независимо от того, что таким обращением лицу были причинены нравственные страдания [17].

В качестве случаев злоупотребления могут рассматриваться как действия, так и бездействие.

К первым, в частности относятся:

- 1) манипулирование ценами на торгах для создания видимости повышения цены и торговой активности на аукционе свидетельствуют о злоупотреблении правом таких участников [18];
- 2) прекращение долговых обязательств гражданина, возникших до получения им статуса индивидуального предпринимателя, через процедуру банкротства индивидуального предпринимателя [19];
- 3) подача заявления о регистрации сходных до степени смешения товарных знаков, «фактическое копирование товарных знаков различных компаний для продвижения собственной продукции», являющееся регулярной практикой [20];

4) обращение в суд с целью, не направленной на защиту каких-либо нарушенных прав истца в сфере интеллектуальной собственности, а направленных на принуждение ответчика принять решение о реализации принадлежащего ему товарного знака, чему предшествовала неоднократная подача заявок на регистрацию товарных знаков без уплаты государственной пошлины, и как следствие этого – признание таких заявок отозванными, что может свидетельствовать об отсутствии реального намерения приобрести права на товарный знак, а создать процессуальную видимость заинтересованности истца в предъявлении аналогичных исков [21].

Бездействие на практике встречается реже. Так, суд, вынося решение о злоупотреблении правом, указал на «недобросовестное осуществление истцом своих прав, в частности на то, что он в течение 15 лет не пользовался земельным участком, не проводил его освоение, не совершал действий, свидетельствующих об использовании земли в соответствии с целевым назначением, не принял мер к сохранению незавершенного строительством объекта, что привело к его утрате, в то время как ответчик производил освоение земельного участка: выкосил многолетний травостой, установил забор, построил двухэтажный каркасный дом, установил металлический гараж» [22].

Особо подчеркивается судами, что злоупотребление правом при совершении сделки является основанием ее недействительности в соответствии со ст. ст. 10 и 168 ГК РФ [23].

Таким образом, можно сделать вывод, что суды квалифицируют в качестве злоупотребления правом любые действия (бездействия) лица, которые, хотя и совершаются в рамках предоставленных ему субъективных прав, но нарушают принципы гражданского права, права и законные интересы третьих лиц, а также создают угрозу стабильности гражданского оборота. Вместе с тем, применение ст. 10 ГК РФ по-прежнему создает трудности у правоприменителей в связи с отсутствием единого подхода к квалификации действий (бездействия), попадающего под данную статью.

Литература

1. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 2000.
2. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/10307.shtml>. (дата обращения 31.03.2015).

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: http://www.efremova.info/word/zloupotreblenie.html#U5qw5fl_vz4. (дата обращения 01.04.2015).
4. Толковый словарь Ушакова Д.Н. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 01.04.2015).
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. – 7-е изд., перераб. и доп. / В.В. Байбак [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2011.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части первой (постатейный). – Изд. 3-е, испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики / Рук. авт. коллектива и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.Н. Садилов. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2005.
7. Гражданское право: В 2 т. Т. 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2000.
8. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М.: Лекс-Книга, 2002.
9. Курбатов А.Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. – 2013. – № 9. – С. 29–38.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 года № 9040/13 по делу № А51-23940/2012. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 31.03.2015).
11. Определение ВАС РФ от 28 ноября 2013 года № ВАС-16464/13 по делу № А40-81364/11-36-385Б; Определение ВАС РФ от 19 сентября 2013 года № ВАС-12423/13 по делу № А76-4903/2012. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
12. Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 года № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 8. – Ст. 1202.
13. Определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 года № 32-КГ14-17. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 31.03.2015).
14. Определение Верховного Суда РФ от 18 июня 2013 года № 58-КГ13-4. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 31.03.2015).
15. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 мая 2013 года № 17388/12 по делу № А60-49183/2011 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства

- граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
17. Определение Верховного Суда РФ от 15 апреля 2014 года № 18-КГ14-13. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 18. Определение ВАС РФ от 27 мая 2014 года № ВАС-3894/14 по делу № А36-408/2013. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 19. Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 года № 306-ЭС14-4369 по делу № А55-35485/2012. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 20. Решение Суда по интеллектуальным правам от 20 мая 2014 года по делу № СИП-169/2014. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 21. Решение Суда по интеллектуальным правам от 28 мая 2014 года по делу № СИП-65/2014. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 22. Определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2012 года № 85-В11-7. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).
 23. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 года; Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 года по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012. Режим доступа <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 04.04.2015).

Максуров А.А. ©

Канд. юрид. наук,

Ярославский государственный университет им.П.Г. Демидова

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД
В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ КООРДИНАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ)**

Любому юристу-исследователю существенную помощь призван оказать экономический подход, что характерно и для координационной юридической технологии (*далее – КЮТ*), поскольку изначально как «координация», так и «эффективность» рассматриваются именно с точки

зрения наук об управлении, в том числе, экономическими процессами. Современная экономическая теория, базирующаяся в качестве одного из постулатов на необходимости расчета соотношения затрат и выгод ввиду относительной ограниченности и редкости всех ресурсов, может быть надежной основой для исследования проблем эффективности любой деятельности. Ни для кого не секрет, что прогрессивное развитие науки особенно явственно заметно там, где во главу угла поставлен конкретный имущественный интерес. Государство охотно черпает идеи, методы и приемы из экономической сферы жизни гражданского общества, разумеется, преломляя и «подстраивая под себя» наиболее актуальные достижения.

Важность экономического подхода вовсе не является чем-то надуманным, поскольку «эффективное развитие и функционирование экономики является основой для достижения целей, стоящих перед юридической практикой, правовой системой, обществом в целом, а производство, обмен и распределение материальных благ находят преимущественно правовое опосредование» [3, 85]. Кстати сказать, современные исследователи определяют экономическую функцию государства с точки зрения «характеристики роли и места государства в регулировании экономических отношений, выражающейся в выработке и координации государством развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме» [1, 15].

Что же касается самой КЮТ, то «требования» к ней экономического подхода, по существу, выражаются не только в приоритетной защите основных правовых ценностей рыночной экономики (таких как свобода предпринимательства, конкуренция, собственность вне зависимости от формы), но и в государственной помощи новым рыночным институтам России. Она позволяет согласовывать экономические интересы и свободы участников гражданского оборота, хозяйственной деятельности с социальной справедливостью, интересами государства и общества в целом, принципами правового воздействия на общественные отношения. Эффективность деятельности государства в качестве собственника значительной части имущества также напрямую зависит от полноты реализации экономической функции юридической практики. Н.И. Сазонов, кстати, пишет, что «экономическая функция выражается в выработке и координации государством стратегических направлений развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме» [4, 239].

Здесь есть что подчеркнуть и в целях исследования КЮТ, ее системы и структуры элементов и характеристик.

В частности, во времена Советского Союза координация управления народнохозяйственной деятельностью государства расценивалась в качестве основных факторов успеха последней. КЮТ внесла организованность и порядок в экономические отношения, дисциплинировала действия их участников, создавала индивидуально-конкретные и иные юридические условия и гарантии для нормальной хозяйственной деятельности государственных и кооперативных предприятий, позволяла оперативно реагировать на возникновение и изменение потребностей экономического развития [2,130]. Действовали системы Госплана, Госснаба и т.п., осуществлявшие жесткое управление и, на основе этого, координацию деятельности хозяйствующих субъектов. В период «перестройки» в хаотичном порядке создавались и ликвидировались координационные органы в сфере экономики, а у существующих органов – появлялись либо забирались такого рода функции.

Переход от плановой командно-административной экономики к рынку привел к почти полному отказу государства от координации управления экономической сферой жизни общества. Экономически самостоятельным субъектам было предоставлено право координировать свою хозяйственную деятельность, однако, такого рода координационная деятельность уже не будет государственно-властной. Напротив, в соответствии же с п.1 ст.7 Закона РФ от 22.03.91. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления запрещается принимать акты и (или) совершать действия, которые ограничивают самостоятельность хозяйствующих субъектов, создают дискриминирующие или, напротив, благоприятствующие условия деятельности отдельных хозяйствующих субъектов, если такие акты или действия имеют либо могут иметь своим результатом ограничение конкуренции и (или) ущемление интересов хозяйствующих субъектов или граждан, а пунктом 2 указанной статьи (в ред. Федерального закона от 25.05.95. № 83-ФЗ) запрещается наделение существующих структур управления полномочиями, осуществление которых имеет либо может иметь своим результатом ограничение конкуренции.

Тем не менее, представляется, что полный отказ государства от координации управления отдельными экономическими и хозяйственными процессами неоправдан, может привести и приводит на практике к тяжким для государства и общества социально-экономическим и иным последствиям. Самоустранение государства от координации управления

процессами приватизации государственных и муниципальных предприятий, жилья приводит к разбазариванию государственной и муниципальной собственности, скупке по низкой цене огромных имущественных комплексов отдельными лицами, в том числе представителями криминала, социальной несправедливости. Принимаемые государством меры к управлению государственной и муниципальной собственностью явно недостаточны, зачастую сводятся к формальным проверкам и заседаниям многочисленных комиссий и комитетов, без какой-либо реальной координации. Определенные координационные мероприятия осуществляются государством в области защиты прав потребителя, создания условий для свободной конкуренции и ограничения монополистической деятельности, управления хозяйственной деятельностью естественных монополий, однако, эти мероприятия до настоящего времени неэффективны. Действовавший механизм координации хозяйственных процессов сломан, а новый не создан, что является одной из экономических задач российской государственной власти на современном этапе.

В то же время, определенные меры в указанном направлении предпринимаются и сегодня.

Так, например, в соответствии с абз.6 п.2 ст.6 Федерального закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» федеральные органы исполнительной власти в пределах своих полномочий при проведении политики, направленной на государственную поддержку малого предпринимательства координируют деятельность федеральных специализированных организаций с государственным участием, осуществляющих поддержку малого предпринимательства. Здесь налицо пример координации государственной поддержки важнейшей основы рыночной экономики – развитого малого предпринимательства.

В ряде случаев методом координации решаются вопросы согласования экономических интересов хозяйствующих субъектов с интересами государства и общества, причем как сугубо экономическими, так и глобальными – в области охраны окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов.

Литература

1. Анцупов В.В. Экономическая функция государства. Автореф.канд.дисс. – Красноярск, 2004. – С. 8,15.
2. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность – Саратов, 1989. - С. 130.
3. Половова Л.В. Функции интерпретационной практики. – Ульяновск, 2002. – С. 85.

4. Сазонов Н.И. О реализации экономической функции в современной России. / Проблемы теории современного российского права. Сб. науч. тр. РАЕН Серия: право. Выпуск 2. / Под ред. акад. РАЕН, проф. Н.В. Щербаковой. – М., - Ярославль. 2005. – С. 239.

Рафикова Г.Х.¹, Аминов И.Р.²©

¹ Студент, ² канд. юрид. наук, доцент, БашГУ.

**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Аннотация

Данная статья посвящена проблемным вопросам формирования местного самоуправления в Российской Федерации. Рассматривается современная государственная политика в сфере развития местного самоуправления. Отражены проблемы федерального законодательства, регулирующего данный институт гражданского общества.

Ключевые слова: *местное самоуправление, самоуправление, власть, муниципалитет, самоуправление в России, местная власть, органы местного самоуправления.*

21 апреля 2015 году по указу Президента РФ от 10.06.2012 № 805 «О Дне местного самоуправления», мы будем отмечать 230-летие местного самоуправления в России. В тексте указа говорится: "В целях повышения значения и роли института местного самоуправления, развития гражданского общества и демократии постановляю: утвердить День местного самоуправления в день подписания Екатериной II в 1785 году Жалованной грамоты городам, которая и положила начало формированию российского законодательства о местном самоуправлении".

Формирование сильного института местного самоуправления представляется в данное время, очень важным направлением для нашего государства. Это стратегически важное направление способствует формированию в Российской Федерации, конституционно закрепленной децентрализованной, демократической си-

© Рафикова Г.Х., Аминов И.Р., 2015 г.

стемы управления делами государства и общества, а данное явление выступает наиболее оптимальной формой управления значительным количеством населения, на огромных просторах нашей Родины [1; 18].

Сама идея формирования власти на местах возникла в европейских государствах с бюрократической, централизованной системой управления в 17-18 вв., так как практика излишне централизованного управления доказала малую эффективность централизованной власти. Поэтому ведущие европейские государства уже к началу XIX века переходят к децентрализованной системе управления, в которой совместно действуют и государственная и местная власть [5; 52].

К сожалению, в России, процесс формирования местного самоуправления не единожды прерывался на весьма длительные периоды времени, именно в результате этих перерывов, у нас в настоящее время, имеется целый ряд проблем в его становлении и развитии.

Первостепенной задачей в данное время выступает обеспечение развития местного самоуправления в России и повышение эффективности его деятельности, так как без развития местного самоуправления просто невозможно становление социальной экономически развитого государства.

Стоит отметить, что указанная цель может быть реализована исключительно по средством обеспечения реализации конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления в России, а так же создания основных условий для функционирования важнейших полномочий органов местного самоуправления, и что самое важное формирования системы государственных гарантий деятельности местного самоуправления[3; 41].

Современная государственная политика в сфере развития местного самоуправления, в нашей стране, формируется и реализуется исключительно на основе важнейших принципов регулирования данного правового института:

- принципа единства целей, задач, направлений и механизмов местного самоуправления;
- принципа объединения усилий государственной и местной власти для успешного формирования системы местного самоуправления;
- принципа введения комплексного подхода в реализацию системы местного самоуправления;

- принципа взаимодействия и сотрудничества федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Местное самоуправление в России выступает неотъемлемой частью действующего государственного механизма, именно поэтому оно позволяет максимально грамотно сочетать права и интересы граждан, а также местные, региональные и общегосударственные интересы [2; 104].

Важно отметить, что современный период формирования местного самоуправления в России отмечен проведением его глобальной реформы, которая выступает частью проводимой реорганизации всей публичной власти в стране.

Сейчас ведется поиск самой совершенной модели функционирования местного самоуправления, которая могла бы обеспечить оптимизацию укрепления Российской Федерации и ее единство. Проводятся масштабное разграничение предметов ведения, ресурсов, полномочий, ответственности между государственной и местной властью.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 2003 года сильно расширили без того колоссальные полномочия федеральных органов государственной власти в сфере регулирования системы местного самоуправления. И тем самым жестко ограничил пределы законодательного регулирования местного самоуправления на уровне субъектов РФ, так как, по мнению законодателей федерального уровня, в субъектах РФ очень часто имеет место недопонимание ряда важных положений реформы местной власти [4; 39].

Данный закон установил и систематизировал предметы ведения муниципальных образований с учетом их вида и статуса. Определил экономические основы местного самоуправления, решил вопрос о том, какое имущество может находиться в муниципальной собственности.

Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 2003 года, была сформирована система гарантий, обеспечивающая экономическую и организационную самостоятельность местной власти в решении многих вопросов местной жизни, но несмотря на все принятые меры, существенного эффекта от реформирования местного самоуправления в России так не удается получить до сих пор [6; 119].

На проблемы, существующие в сфере местного самоуправления, указал В.В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному

Собранию еще в конце 2013 года. Он, четко отметил, что существующие полномочия муниципалитетов сильно размыты, их постоянно пытаются перекидывать с одного уровня власти на другой: с поселения – на район, из района – в регион, а оттуда обратно[3; 43].

Сейчас в ведении органов местного самоуправления имеется большое число финансово не обеспеченных вопросов, даже тех, которые напрямую касаются жизни каждого человека. Из данной ситуации следует как-то выходить, решая данные проблемы, согласно здравому смыслу. В наши дни на местах должна существовать реальная, сильная, финансово самостоятельная власть [7; 253].

При решении указанных проблем, важно учитывать, что нельзя ко всем муниципалитетам применять одинаковые шаблоны, важно учитывать имеющиеся многообразие местной специфики. Например, некоторые сельские поселения имеют вполне достаточный потенциал экономического развития и следовательно, сами могли бы выполнять не только уже имеющиеся полномочия, но и полномочия переданные им дополнительно с регионального уровня. Бывают и такие ситуации, когда муниципальные образования не имеют сил исполнять даже необходимый минимум функций, по причине малонаселенности или отдаленности территории. Поэтому следовало бы сузить круг вопросов, которые обязательно должны находиться в ведении муниципальных образований, но законодательно закрепить делегирование муниципалитетам дополнительные сферы регулирования, подкрепляя их деньгами из бюджетов более высокого уровня. Важно добиться именно законодательной возможности передавать дополнительный функционал наиболее успешным муниципалитетам, а для дотационных создавать различные механизмы финансовой поддержки. Таким образом, можно было бы решить проблему перегруженности муниципалитетов полномочиями.

Кроме того, реализация полномочий органов местного самоуправления должна быть напрямую связана с происходящими в стране изменениями бюджетного и налогового законодательства, совершенствованием межбюджетной системы. Уже на федеральном уровне должно иметь место выравнивание уровня бюджетной обеспеченности различных муниципальных районов, городских, сельских поселений из бюджета субъекта РФ, а также должно существовать официальное закрепление за муниципалитетами дополнительных источников доходов.

Как нам представляется сейчас очень важно добиться того, что бы субъекты РФ получили дополнительные более актуальные механизмы по разделению полномочий между местным и региональ-

ным уровнями власти. Необходимо, чтобы регионы и муниципалитеты функционировали слаженно, как единая команда в интересах развития своих территорий и повышения качества жизни проживающих на ней людей.

Основная мысль нашей статьи – современные муниципальные власти смогут наладить эффективную работу только при активизации финансовой помощи в региональной власти. Необходимо объединить все возможности для достижения одной единственной цели, достижения благополучия всех наших сограждан.

Литература

1. Абдуллина С.И., Аминов И.Р. Формы непосредственной демократии в местном самоуправлении: проблемы теории и практики. // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск 2014. № 37. С. 16-21.
2. Аминов И.Р., Кравченко Р.В. К вопросу о месте муниципального права в системе российского права. // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Санкт-Петербург 2014. Том: 4. № 8. С. 102-105.
3. Анчин Г.В. Местное самоуправление трудное дитя России. // Государство и право. 2014. № 6. С. 41-44.
4. Ванеев О.Н. Город и самоуправление: вопросы теории. - Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2013. 181с.
5. Ефремов Г.Г. Организационно-управленческие аспекты в деятельности органов местного самоуправления. // Муниципальная власть. 2013. № 1. С.52-54.
6. Ибрагимов Т.М., Аминов И.Р. К вопросу о международно-правовых источниках муниципального права. // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Перспективы развития научных исследований в 21 веке», Махачкала 2014 года. С. 116-120.
7. Искужина Г.Р., Аминов И.Р. Местное самоуправление как институт публичного управления в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал "Концепт". Киров, 2014. Т. 26. С. 251-255.

Седова Н.Г. ©

Аспирант кафедры арбитражного процесса арбитражного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ЗАЩИТА АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ПОРЯДКЕ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Процессуальные особенности судебного разбирательства в порядке искового производства при разрешении споров, связанных с недвижимым имуществом, прежде всего опосредуются особым статусом объектов недвижимого имущества, необходимостью государственного контроля за возникновением и прекращением прав на недвижимое имущество путем ведения обособленного публичного реестра. Наличие большего количества способов защиты объектов недвижимого имущества зачастую приводит к неправильной квалификации истцом, а равно и арбитражным судом предмета и оснований исковых требований. В настоящей статье будут рассмотрены основные пробелы и коллизии судебной практики в области защиты объектов недвижимого имущества в порядке искового производства и предложены пути их преодоления.

Согласно п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее по тексту также Постановление № 10/22), государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним представляет собой юридический акт признания и подтверждения со стороны государства возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту также ГК РФ). При этом государственная регистрация является единственным доказательством существования какого-либо зарегистрированного права на объекты недвижимого имущества. Данное право может быть оспорено заинтересованным лицом только в судебном порядке. Поскольку при таком оспаривании суд разрешает спор о гражданских правах на недвижимое имущество,

соответствующие требования рассматриваются и разрешаются в порядке искового производства.

Оспаривание зарегистрированного права на объекты недвижимого имущества осуществляется путем предъявления исков, судебные акты по которым являются основанием для внесения соответствующей записи в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее по тексту также ЕГРП). В частности, если в резолютивной части решения разрешен вопрос о наличии (отсутствии) какого-либо права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности (ничтожности) сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Как следует из анализа положений ст. 49 АПК РФ, истец самостоятельно определяет предмет и основание иска, а равно вправе до принятия судебного акта судом первой инстанции изменить предмет или основание искового заявления.

С учетом сложившейся судебной практики фактически под основанием иска арбитражные суды понимают выбранный истцом способ защиты нарушенного права.

Как обоснованно отмечает И.М. Морева, конкретный способ защиты вещного права определяет лицо, которое полагает, что его субъективные права и законные интересы нарушены, при предъявлении соответствующего искового заявления. От правильного выбора зависит сам факт защиты нарушенного (оспариваемого) права: если истец избрал способ защиты права, не соответствующий нарушению и не обеспечивающий восстановление его прав, его требования не могут быть удовлетворены арбитражным судом, поскольку это не восстановит нарушенное право, а лишь приведет к состоянию правовой неопределенности, нарушит принцип стабильности гражданского оборота [1; 867].

Отмеченную выше позицию также отчасти разделяет И.В. Сергеева, которая указывает, что избрание истцом ненадлежащего способа защиты будет влечь за собой отказ в удовлетворении искового заявления, но не по причинам формального характера с указанием на то, что применению подлежал иной способ, а по мотивам, что в сложившейся ситуации используемый способ не приведет к защите нарушенного, по мнению истца, права [2; 70].

До принятия обозначенного выше Постановления № 10/22 судебная практика государственных арбитражных судов не отличалась должным единообразием. При этом зачастую при защите объектов недвижимого имущества суды придерживались позиции, согласно которой истец самостоятельно должен определить норму права, которая бы подлежала применению в конкретном споре, в противном случае арбитражные суды отказывали в удовлетворении соответствующего искового заявления.

В качестве иллюстрации отмеченного выше довода обратимся к Информационному Письму Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» (далее по тексту также Информационное Письмо № 126). В п.1 отмеченного выше Информационного Письма № 126 анализируется спор связанный с выбором истцом надлежащего способа защиты своего вещного права.

Между Обществом с ограниченной ответственностью (истец) и открытым акционерным обществом (ответчик) был заключен и исполнен договор купли-продажи недвижимых помещений. Исходя из ничтожности этого договора истец (продавец спорных объектов недвижимости) обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к ответчику об истребовании из его незаконного владения переданных во исполнение договора помещений на основании ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказал в полном объеме со ссылкой на то обстоятельство, что истец избрал ненадлежащий способ защиты нарушенного права. По мнению арбитражного суда, в данном споре подлежали применению нормы о последствиях ничтожности сделки, предусмотренных ч.2 ст. 167 ГК РФ.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил. По мнению судебной коллегии, сам по себе факт использования истцом такого способа защиты как виндикационный иск не может быть основанием для отказа ему в защите права, т.к. является результатом свободного выбора им способа защиты нарушенного права. По мнению суда, ошибка истца в надлежащей квалификации правового основания иска, сама по себе не может являться основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, т.к. по существу требование истца в первую очередь направлено на возврат последнему имущества, находящегося у ответчика.

Суд кассационной инстанции, отменяя постановление суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, отметил, что т.к. стороны исполнили и совершили ничтожную сделку, к правоотношениям сторон применимы положения о последствиях ничтожности сделок (ч.2 ст. 167 ГК РФ). С учетом того, что истец ненадлежащим образом квалифицировал свои требования, а также с учетом иных обстоятельств дела суды не были правомочны применять последствия недействительности ничтожного договора купли-продажи по собственной инициативе.

Однако в связи с принятием Постановления № 10/22, практика арбитражных судов изменилась. Во многом это связано с формулировкой п. 3 отмеченного выше Постановления, согласно которому, принимая решение, арбитражный суд в силу ч.1 ст. 168 АПК РФ самостоятельно определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Согласно п.3 ч.4 ст. 170 АПК РФ арбитражный суд указывает также в мотивировочной части решения мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В этой связи ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению, по мнению суда, в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Отмеченная выше позиция Верховного и Высшего арбитражного суда Российской Федерации неоднократно выступала предметом дискуссии в научной литературе.

Одни ученые разделяют подобную позицию судов. Так, в частности, О.В. Паршина отмечает, что вопрос о соотношении и конкуренции вещно-правовых и обязательствственно-правовых способов защиты права собственности и прежде всего исков об истребовании (виндикации) собственником своего имущества из чужого незаконного владения и исков собственника о признании недействительными (ничтожными) сделок по отчуждению его имущества в российской доктрине арбитражного процессуального права и судебной практике остается до конца неразрешимым. Т.к. фактически использование обоих исков преследует одну и ту же цель - возврат имущества его собственнику, по мнению ученого, представляется вполне целесообразным и эффективным предоставить суду возможность по своей инициативе применять соответствующий способ защиты прав истца [3; 20].

Во многом аналогичную позицию также занимает С.А. Краснова, которая отмечает, что право заявителя на выбор способа защиты своего нарушенного (оспариваемого) права прежде

всего является проявлением присущего арбитражному процессуальному праву принципа диспозитивности. При обращении в арбитражный суд за защитой данное право реализуется следующим образом: истец по своему собственному усмотрению определяет способ защиты, применение которого, по его мнению, позволит обеспечить надлежащую защиту нарушенного права (основание искового заявления), а равно фактические обстоятельства, из которых вытекает его требование (предмет искового заявления). Т.к. истец, в отличие от арбитражного суда, не обладает полномочием по осуществлению правосудия, последний может совершить объективную ошибку при квалификации соответствующих правоотношений. На основании вышеизложенного, окончательная квалификация спорных правоотношений в любом случае определяется арбитражным судом.

Характеризуя отмеченные выше положения Постановления № 10/22, ученый отмечает, что хотя разъяснение было дано применительно к спорам о защите вещных прав, фактически в сложившейся правоприменительной практике последнее выходит за рамки указанной категории дел и может применяться при рассмотрении любых споров, в том числе и обязательно-правовых. Учёный, признавая, что описанная выше правовая позиция неизбежно порождает ряд вопросов как теоретического и практического характера, в том числе вопрос о соотношении права суда на юридическую квалификацию спорного правоотношения, в то же время отстаивает позицию, согласно которой предоставленная судам при подготовке дела к судебному разбирательству и в порядке его рассмотрения возможность определять фактическое и правовое основание иска не нарушает право истца на выбор способов защиты нарушенного права [4; 40].

Другие ученые, напротив, относятся весьма критично к позиции, высказанной в Постановлении № 10/22.

По мнению Т.П. Подшивалова, учитывая, что в силу п. 2 ст. 1 и п.1 ст. 9 ГК РФ, выбор способа защиты нарушенного права является исключительной прерогативой истца, правовая позиция Постановления № 10/22 достаточно уязвима для критики, т.к. нарушает основополагающие принципы равноправия сторон, диспозитивности и состязательности в том числе потому, что лица, участвующие в деле, несут риск наступления негативных последствий совершения или не совершения ими процессуальных действий. [5; 15].

Принимая во внимание отмеченные выше позиции юристов по данному вопросу, со своей стороны отметим, что в силу ч.3 ст. 8 АПК

РФ, арбитражный суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон. При осуществлении процессуальной защиты ответчик выстраивает свою позицию, исходя из доводов, изложенных заявителем в исковом заявлении. Исходя из системного толкования положений Постановления № 10/22, можно сделать вывод, что арбитражный суд может переквалифицировать заявленные исковые требования уже непосредственно при принятии судебного акта и отразить их в своем решении по существу спора.

В данном случае ответчик фактически лишен возможности эффективно защищать свои субъективные права и законные интересы, т.к. о самостоятельной переквалификации арбитражным судом заявленных требований истца ответчик узнает лишь после его ознакомления с полным текстом решения суда первой инстанции.

На основании вышеизложенного, по нашему мнению, возможность суда производить переквалификацию требований истца не соответствует целям эффективного правосудия и нарушает принцип равноправия сторон.

Литература

1. Морева И.М. Признание зарегистрированного права отсутствующим как способ защиты вещных прав // *Lex russica*. 2013. № 8.
2. Сергеева И.В. Применение различных способов защиты прав на недвижимое имущество в судебной практике // *Арбитражные споры*. 2013. № 4.
3. Паршина О.В., Смирнов А.С. Виндикация, признание сделок недействительными и реституция как способы защиты права собственности: спорные вопросы теории и практики // *Культура: управление. экономика. право*. 2012. № 2.
4. Краснова С.А. Право потерпевшего на выбор способа защиты и право суда на юридическую квалификацию: вопросы соотношения // *Юрист*. 2012. № 19.
5. Подшивалов Т.П. Определение надлежащего способа защиты вещных прав в арбитражной практике // *Вестник арбитражной практики*. 2013. № 1.

Торхов Я.А. ©

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ СТАТУС»

Правовой статус - это одно из центральных понятий права и вместе с тем самая малоизученная правовая категория. Несмотря на достаточно широкое применение и различные вариации, категория «статус» не имеет единого однозначного толкования. Значительная доля внимания ученых направлена на изучение категории «правовой статус личности» и в силу более глубокой проработки, а также рассмотрения ее в широком смысле, конструкция правового статуса в контексте именно данной категории стала в теории права основной.

Один из основных вопросов в исследуемой сфере посвящен проблеме множественности трактовок термина «правовой статус». Так, Т.К. Примак и К.А. Орлова видят ее в том, что данная категория, по сути, вытекает из естественно-правовой доктрины, постоянное развитие которой приводит к «практической адаптации догмы права к естественно-правовой доктрине», кроме того, в силу внимания к данной правовой категории и ее расширительного толкования «права и свободы личности вышли за пределы внутренней компетенции» [1, 19]. Пристальное внимание к проблемам определения правового статуса, в первую очередь, личности, способствовало детальному исследованию вопросов правового статуса субъектов различных отраслей права, а впоследствии и правового статуса объектов, в частности, имущества.

В настоящее время в правовой доктрине в качестве синонимов часто используется сразу несколько терминов «правовой статус», «правовое положение», «правовой режим» и «правовой модус». Так, в частности, С.С. Алексеев [2], Н.В. Витрук [3], Л.Д. Воеводин [4], Н.И. Матузов [5] наполняют единым смыслом категории «правовой статус» и «правовое положение». Законодатель также не проводит различий между данными категориями, закрепив в основном массиве правовых актов единство понимания данных категорий, используя их одновременно, например, Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-

ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» Гл. 3 Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел и др. Однако ряд ученых настаивает на неприемлемости данной практики. В частности, Д.Н. Горшунов, который раскрывает две спорные категории через понятие «правовое состояние», где правовой статус - это статика правового состояния, а правовое положение - динамика правового состояния субъекта [6, 38-41]. Соответственно, следующей терминологической проблемой в процессе определения понятия и содержания категории «правовой статус» является вопрос соотношения терминов «правовой статус» и «правовое состояние». Так, О.В. Семенова, раскрывает правовое состояние как сложную собирательную категорию, где отражен целый комплекс связей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми. Структура правового состояния представлена значительным набором элементов от правовых норм и правосубъектности до правовых принципов и правоотношений [7, 199]. Большинство ученых отмечает, что сложность разграничения смежных категорий состоит в недостаточности содержательной части термина «правовой статус», поскольку он не может обеспечить раскрытия многоаспектности правового положения субъекта, его форм, состояний и проявлений. Исходя из взаимозависимости и взаимовлияния данных понятий, Ю.С. Новикова предлагает считать, что «правовой статус - это юридически закрепленное правовое положение субъекта, т.е. его права и юридические обязанности, отраженные в нормах права. Правовое состояние в этом смысле -это фактическое правовое положение субъекта, т.е. те права и обязанности, которыми субъект обладает в реальности» [8, 14].

Определенные сложности вызывает и то, что понятие «статус» используется в различных науках. Давая определение категории «статус» в философской энциклопедии С.С. Неретина указывает, что «понятие «статус» из юриспруденции было введено в логику Тертуллианом... Согласно идее статуса, любое определение есть одно из свойств субъекта... осуществляется связь идеи универсальности с идеей субъектности, которой присуща интенциональная способность конструировать предмет» [9]. Исходя из толкования Ожегова, «статус - это сложившееся состояние, положение (книж.); правовое положение (спец.)» [10]. Затруднения на пути поиска истинного смысла данной категории вызывает и тот факт, что сама по себе категория «статус» в доктрине права используется достаточно редко и служит, как правило, для конкретизации иных терминов, что вызывает дополнительные противоречия, поскольку в научной среде не сложилось согласованной

позиции в осмыслении содержания и юридической конструкции исследуемого спорного термина.

Несмотря на распространенность использования данной категории в юридической науке, категория «статус» наиболее часто употребляется в отношении характеристики субъекта права - одного из центральных понятий в юриспруденции. Значимость категории «правовой статус» определяется тем фактом, что он является самостоятельным элементом правовой системы [5, 25; 11, 186]. В частности, С.А. Комаров определяет статус в качестве «специфического феномена», целью которого является обеспечение функционирования всей системы [11, 112]. В данной связи рассмотрение данной категории с позиции статики и динамики не совсем уместно. Нельзя не согласиться с позицией С.В. Редких в отношении того, что «Субъекты права, находясь в постоянной динамике, - изменяются их характеристики, они вступают в различные правоотношения, изменяется содержание их прав и обязанностей. Право существует для того, чтобы упорядочить систему отношений субъектов, а не остановить их правовую реализацию. В этой связи достаточно сложно выделить общие и особенные характеристики субъектов правоотношений и юридических связей. По этой причине, необходимо выделение наиболее устойчивых характеристик состояний субъектов, позволяющих охарактеризовать их не только в процессе активной динамики прав и обязанностей, но и состоянии правового покоя. Указанные характеристики объединяются в понятие «правовой статус», который представляет собой законодательно закрепленный набор признаков субъектов права, позволяющий определить положение рассматриваемых субъектов относительно друг друга в правоотношениях и юридических связях существующих в государстве» [12, 43].

Ключевая проблема сложности определения данной, на первый взгляд, простой категории заключается в различном подходе к ее толкованию. Если рассматривать категорию «статус» с точки зрения комплекса признаков, то статус - это совокупность прав и обязанностей субъекта, однако при рассмотрении составляющих юридической конструкции статуса возникает необходимость конкретизировать данную категорию и переходить на уровень более широкого толкования. Кроме того, остается и двойственность характера правового статуса: с одной стороны, это статичная абстрактная модель, а с другой, напротив, отмечается необходимость рассматривать статус в отношении каждого конкретного субъекта в конкретном правоотношении. В частности, С.С. Алексеев указывает, что содержание правового статуса есть правовое положение субъекта, раскрывающее «фактическое со-

стояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [2, 49], ученый также акцентирует свое внимание на том, что субъект, реализуя правомочия, приобретает права, которые изначально ему не принадлежали, тем самым, меняя содержание статуса. О подобном свойстве статуса заявлял и Н.В. Витрук, указывая, что содержание статуса может быть реализовано как в правовых отношениях, так и посредством юридических связей [3, 338]. Исходя из положений данного направления, правовой статус должен отражать действительное правовое положение субъекта права, а его содержание должен стать тот фактический набор прав и обязанностей, который субъект права приобрел в процессе реализации правового статуса.

На наш взгляд, различия в подходах определения природы правового статуса и его содержания, несмотря на полемику, минимальны. В ключевых моментах, в частности, в том, что статус отражает законодательное закрепление основных характеристик субъекта права, все исследователи едины. Основным расхождением, что также связано с проблемой смещения понятий, является разные подходы в определении природы правового статуса. В качестве решения данной проблемы С.В Редких предлагает пользоваться при «исследовании правового статуса», как правового явления... как микро-, так и макро-уровнем исследования» [12, 44]. Представляется, что правовой статус, как центральное понятие теоретических исследований, все-таки должно иметь единую жесткую конструкцию, что позволит исследовать субъекты права учитывая основные компоненты в некоем единообразии, остальные признаки могут иметь вспомогательный характер и служить лишь для конкретизации правового положения субъекта.

Литература

1. Примак Т. К. Терминологические трудности определения категории «правовой статус» / Т. К. Примак, К. А. Орлова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 9. С. 19-27.
2. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. / С. С. Алексеев. М., 1999. 712 с.
3. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. М., 2008. 448 с.
4. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. М., 1997. 304 с.
5. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. Саратов, 1987. 293 с.
6. Горшунов Д. Н. Некоторые аспекты соотношения понятий «правовое состояние», «правовое положение», «правовой статус» субъектов пра-

- вовых отношений / Д. Н. Горшунов // Материалы VII Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. СПб., 2006. Ч. 1. С. 32-48.
7. Семенова О. В. Некоторые аспекты локального нормотворчества в связи с определением правового состояния личности / О. В. Семенова // Материалы VII Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. СПб., 2006. Ч. 1. С. 198-214.
 8. Новикова Ю. С. Некоторые вопросы разграничения понятий «правовое состояние» и «правовой статус» / Ю. С. Новикова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 3. Т.13. С. 12-14.
 9. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. [Электронный ресурс] / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения 20.02.2015 г.)
 10. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=статус> (дата обращения 20.02.2015 г.)
 11. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Курс лекций / С. А. Комаров. М., 1996. 316 с.
 12. Редких С. В. Понятие правового статуса: формально-правовой контекст / С. В. Редких // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 3. С. 42-44.

Фисенко С.Б. ©

Кандидат экономических наук, адвокат коллегии адвокатов «Юраут»,
г. Челябинск

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Допрос представляет собой следственное действие, направленное на получение информации о личности преступника и о событии преступления. В деятельности следователя допрос занимает значительное количество рабочего (не менее 1/4) времени. Он представляет собой наиболее психологизированное следственное действие, поскольку связан с выявлением личностных особенно-

стей лица, в отношении которого осуществляется допрос, с учетом психического взаимодействия между допрашиваемым и должностным лицом (следователем).

Первоначальным психологическим процессом в процессе проведения допроса является воспроизведение – умственное (когнитивное) действие, направленное на восстановление, актуализацию ранее воспринятого события. В частности, это произвольная, либо преднамеренная попытка восстановления мысленных образов, нередко сопровождающихся и непроизвольными, ассоциативными воспоминаниями. Воспоминания связываются с определенными переживаниями, связанными с теми или иными событиями. Подобное вносит определенные субъективные искажения в процессе воспроизведения. Учет возникающих обстоятельств когнитивных искажений, их выявление, фиксация чувственной специфики воспроизводимого материала – является важнейшей задачей следователя в процессе проведения допроса [1; 349].

В своей практической деятельности следователь неизбежно сталкивается с многочисленными факторами реконструкции и деформации информации, представляющей следственный интерес, которая, в частности, касается расследуемого события преступления.

Личностная реконструкция информации о событии преступления при его фиксации и последующем воспроизведении может проявляться в следующих рамках:

- при возникающих искажениях смыслового содержания материала, связанного с расследуемым событием преступления;
- при выявлении элементов иллюзорности, либо излишней конкретизационности, выявленной в процессе проведения допроса, поиска определенной степени детализации;
- при подмене одного содержания другим весьма сходным содержанием обстоятельств произошедшего события;
- при объединении разрозненных элементов и разъединении связанных элементов обстоятельств произошедшего события;
- при выявлении смещения или перемещения отдельных обстоятельств, связанных с событием преступления.

Отдельные стороны произошедшего события преступления могут утрироваться в зависимости от устойчивых и ситуативных интересов лица, которое подлежит допросу.

Воспроизведение при осуществлении допроса тесно переплетается с репродуктивной функцией – той следственной целью, которую необходимо достичь в процессе допроса. При этом мате-

риал, представляющий оперативный интерес «извлекается» из долговременной памяти допрашиваемого и является в виде осмысленной интерпретации. Качество полученной информации зависит от опыта воспроизведения ранее информации подобного рода, общей ориентированностью, интеллектуального развития личности, степени взаимодействия допрашиваемого с материалом обстоятельств запоминания.

В рамках фиксации обстоятельств события преступления в долговременной памяти происходит перестроение личностной реконструкции, а также происходят психологические процессы обобщения, фрагментации. Прочность же и своеобразие такой фиксации зависит от общей значимости и степени придания личностного смысла элементам воспринятого события.

Приоритетное значение в рамках осуществления допроса приобретает такой вид воспроизведения следственной информации, как когнитивное воспоминание, то есть механизм «извлечения» необходимой информации из долговременной памяти мысленных образов прошлого, локализуемых с учетом временных рамок и места, где происходило восприятие. В процессе воспоминания подлежит актуализации не только сам мысленный образ, но и вся комплексная система составных элементов произошедшего события (в том числе и связанных с эмоциональной окраской) [3; 135].

Репродукция или восстановление произошедшего события преступления никогда не может быть достаточно полным и адекватным «отображением». Степень расхождения мысленного образа восприятия, представления и реального события у разных допрашиваемых лиц может существенно отличаться. Эта особенность зависит от типа высшей нервной деятельности специфики общей перцептивной системы допрашиваемого лица, от личностных установок, направленных на общее ориентирование, мотивы и цели преследуемых в рамках правоохранительной деятельности [2; 115].

Эффективность воспоминания в большей степени зависит от мнемических механизмов – комплексной системы индивидуальных методов, позволяющих существенно облегчить запоминание. В процессе осуществления допроса должна «включаться» как произвольная, так и непроизвольная память. Она может быть связана со степенью и спецификой повышенной восприимчивости допрашиваемого лица к каким-либо внезапно возникающим событиям и степени их необычности (возможно, например, степени их яркой

выраженности). Наиболее прочно в памяти будет удерживаться только то, что вызывает весьма повышенную ориентационную динамику. Такие как воздействующие на человека какие-либо физические раздражители (окрик, вспышка световых средств, звуковое механическое воздействие и т.д.).

Начальные и конечные этапы психологических процессов, а также комплекс действий следователя, является целью или условием эффективной правоохранительной деятельности в целом. При этом следует иметь в виду, что некоторые допрашиваемые лица более лучше запоминают позитивные, а другие негативные обстоятельства произошедшего события. Произвольное, специально организованное фиксирование элементов события связано с выделением «вех» запоминания, опорных признаков, с выделением специфики объекта, его элементных структур, смысловых корреляций, поиска путей для системной группировки, систематизации полученной информации.

События, подвергшиеся восприятию иногда непроизвольно реконструируются под влиянием каких-либо воздействий. При этом существенные деформации в протоколах допрашиваемых могут произойти в результате последующего обсуждения обстоятельств со следователем, возникающих под влиянием слухов и т.д.

Произвольная форма воспоминания, связанная с поиском, поэтапным восстановлением необходимой информации, представляющей следственный интерес называется припоминанием. В большинстве случаев следует апеллировать к этой стороне мнемической деятельности допрашиваемых лиц, возбуждая ассоциации, подсказывая последовательность изложения материала, осуществляя организацию выезда на место совершения преступления, с учетом особенностей памяти допрашиваемого лица, его личностной устойчивости и профессиональной направленности.

С учетом типа высшей нервной деятельности допрашиваемого лица могут возникать различные временные трудности в припоминании. Так, у отдельных людей возможны как временные, так и устойчивые нарушения памяти: амнезия, обманы памяти, конфабляция (полный или частичный вымысел, отождествленный с действительностью). Весьма полное и исчерпывающее восприятие возможно после снятия возбуждения или утомления допрашиваемого лица.

Особенности памяти допрашиваемого лица имеют тенденцию к угасанию. При этом процесс забывания особенно интенсивен по прошествии 3-5 суток после восприятия обстоятельств произошедшего события преступления. При этом особенно быстро забывается информация о временных интервалах, динамических и количественных характеристиках лица совершившего преступление, меняются различные речевые формулировки. С учетом сказанного общими правилам допроса является необходимость его производства при минимальном истечении времени после совершенного события преступления.

Во многих случаях трудности припоминания связаны с индивидуальными особенностями вербализации чувственно воспринимаемого материала. Словарный запас, речевая культура отдельных допрашиваемых лиц может быть очень ограничен. Отдельные свойства явлений допрашиваемый может затрудниться описать, часто используя при этом речевые штампы, не отражающие специфику описываемого объекта. Очевидно, что в таких случаях следователь должен оказывать посильную помощь, не сводя ее к подсказкам, избегая создания воздействующих условий.

Литература

1. Еникеев М.И. Юридическая психология. СПб., 2004.
2. Лебедев И.Б., Цветков В.Л. основы психологии для сотрудников правоохранительных органов. М., 2005.
3. Пичугин С.А. Концепция комплексного криминалистического исследования признаков внешности человека. М., 2014.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ангел О.Ю.¹, Кристерева К.Н.² ©

¹ Старший преподаватель, к.с.н.,

² студент, Южный федеральный университет

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА ФРИЛАНС-УСЛУГ И ЕГО ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В связи с развитием информационных технологий, занятость современного человека все больше приобретает менее жесткие формы, распространение получают удаленная занятость, самозанятость и некоторые другие явления, общей чертой которых является снижение зависимости работника от работодателя. До настоящего времени не проводились масштабные социологические исследования фриланса. Имелись попытки объяснить появление фриланса через экономические факты. Проводились также поверхностные исследования рекрутинговыми (кадровыми) агентствами поведенческих установок работников в целом и фрилансеров, в частности фриланс объяснялся с точки зрения психологии. В связи с этим отсутствует и научная методика проведения социологического исследования фриланса, достаточно четко не определены факторы, обуславливающие рост социального интереса к данному явлению и переход работников и работодателей на рынок фриланс-услуг. Отсюда следует, что для оценки состояния фриланса в России, его динамики и ожиданий россиян, касающихся свободной занятости, возникла необходимость в комплексном исследовании состояния фриланса на рынке труда и занятости в России. Следует заметить, что отсутствие четкого определения фриланса препятствует должному развитию рынка фриланс-услуг вследствие разностороннего понимания сущности фриланса и его характеристик, что в свою очередь вызывает противоречия в применении норм трудового законодательства в отношении свободных работников.

Актуальность социологического исследования фриланса как социального явления подтверждается в различных плоскостях общественной жизни. Это говорит и о социальной многогранности объекта

© Ангел О.Ю., Кристерева К.Н., 2015 г.

исследования, и о многообразии подходов к изучению данного явления. С одной стороны, правовое регулирование трудовых отношений фрилансеров и работодателей не удовлетворяет существующим потребностям российского рынка труда и занятости, так как в связи с различными трактовками понятия «фриланс» возникают противоречия в применении норм трудового законодательства в отношении свободных работников. С другой стороны, рост безработицы, жесткие подходы работодателей к трудовому распорядку: строгость трудового графика, отказ от премиальных и задержки выплаты заработной платы вошли в противоречие с задачами модернизации политической и социально-экономической систем российского общества. Научное исследование такого сложного и динамичного объекта, как фриланс требует системного подхода, который открывает возможности более глубокого и в то же время всестороннего изучения социального содержания данного процесса, особенностей, объективных условий, субъективных факторов и закономерностей, влияющих на него [1].

Социологический анализ свободной занятости - фриланса актуален как в научном, так и в прикладном отношении.

За последние несколько лет число работников, желающих работать на себя, творчески развиваться и самореализовываться, неуклонно растет. Растет не только число самих фрилансеров, но и интерес к ним со стороны СМИ, государства.

Установлено, что спрос на фрилансеров в настоящее время, а тем более в условиях экономического кризиса и посткризисного периода, находится под воздействием нескольких факторов: во-первых, не всем работодателям хватает штатных специалистов требуемой квалификации и специализации, во-вторых, услуги фрилансера оцениваются дешевле. В то же время, зарплата фрилансеров в среднем выше, чем у офисных работников, что связано, прежде всего, с издержками работодателей по формированию рабочего места, уплатой налогов и т.п.

Можно с уверенностью сказать, что тенденции развития фриланса в настоящее время и установки работников к переходу во фриланс недостаточно выражены, так как ряд субъективных и объективных факторов, влияющих на развитие данного явления в России: недоверие институтам власти, работодателям, отсутствие социальных гарантий, неэффективность правовой системы. В будущем можно предположить, рынок фриланс-услуг будет развиваться очень противоречиво, что связано с нестабильностью российской экономики, рынка труда и занятости, последствиями финансово-экономического кризиса, недостатками в трудовом законодательстве.

Литература

1. Чаплашкин Н.В. Фрилансер на отечественном рынке труда: реальность, ожидания, перспективы [Текст] / Н.В. Чаплашкин // Человек и труд. - 2013. - № 4. - С. 18-21.

Исанова А.А. ©

Студент, Башкирского государственного аграрного университета,
г. Уфа

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пенсионная реформа 2015 года вводит новые правила расчета пенсий. Перевод пенсии и её распределение изменились, как и изменилась сама возрастная категория будущих пенсионеров. И если реформы в целом волнуют большую часть населения, то пенсионная реформа, которая затрагивает практически всех россиян, не «оставит» равнодушным никого. Итак, что же нас ждет?

В России треть населения составляют пожилые граждане; бюджет Пенсионного фонда дефицитный и каждый год Россия теряет 1 миллион трудоспособного населения. Возникла острая потребность в проведении пенсионной реформы в стране. С 1 января 2015 года вступили в силу изменения, внесенные в пенсионное законодательство РФ[1].

Проводимая пенсионная реформа призвана обеспечить устойчивость пенсионной системы России и увеличить размер пенсий. Цели и задачи, стоящие перед государством будут достигнуты с помощью реформирования пенсионной системы к 2025 году. Рассмотрим главные критерии нововведений:

1. Возраст выхода на пенсию, зафиксированная выплата и общий рабочий стаж будет входить в Ваш личный пенсионный коэффициент (ПК), который указан в баллах. Наименьшее число за все рабочие годы – 30 баллов. Федеральный Закон об изменении в пенсионном обеспечении России был одобрен Государственной Думой в декабре 2013 года. Новый порядок исчисления пенсионных накоплений устанавливают Федеральный Закон «О страховых

пенсиях» [2] и Федеральный Закон «О накопительной пенсии» [3], которые вступили в силу 1 января 2015 года.

2. В связи с вносимыми изменениями с 2015 года минимальный стаж для получения трудовой пенсии по старости составил 15 лет. На данный момент минимальный стаж работы составляет 5 лет. Изменения в пенсионном обеспечении граждан будут постепенны. С 2015 года стаж ежегодно будет увеличиваться на 1 год, таким образом к 2025 году он достигнет отметки в 15 лет.

3. Накопительная пенсия и ее страховая часть, согласно новым законам России, теперь два разных понятия. Поручительство государство берет лишь за последнюю. Ранее было: 6% - накопительная часть; 12% страховая. Еще в конце 2013 года государство в лице Пенсионного фонда неоднократно предупреждало граждан: для того чтобы накопительная часть пенсии не аккумулировалась в страховую, необходимо ее перевести в негосударственный пенсионный фонд. Если к 01.01.2014 вы успели перевести накопительную часть в НПФ, то ваши 6% останутся при вас, а если не успели, то она перешла в страховую часть. Выбирая тот или иной НПФ, вы имеете право 1 раз в год заменить его, если вас не устраивают результаты деятельности НПФ.

4. Без выплат никто не останется! Если вдруг не хватит нужных баллов, то есть возможность взять отсрочку на 5 лет и получить пенсию, согласно исходному коэффициенту.

5. Все пенсионные начисления уже работающим пенсионерам выплачиваться будут, но без добора баллов. Если захотите иметь коэффициент выше, то придется отказаться от всех денежных средств и поработать на цифры.

6. Трудовая пенсия для работников сельскохозяйственной сферы, проработавшим более 30 лет и проживающим в сельской местности, будет увеличена с 2016 года.

7. Военная пенсия станет особенной, ведь предполагает начисление особых баллов для людей, которые отслужили в армии или в органах внутренних дел.

8. Появились и поощрения для многодетных семей. Сейчас в стаж молодым мамам идет лишь период ухода максимум за двоих детей - по 1,5 года за каждого, то есть три года в целом. По новому законопроекту при начислении стажа учтут 4,5 года - по 1,5 года ухода за каждым из троих детей.

Теперь можно поразмышлять над плюсами и минусами предлагаемых государством нововведений пенсионной реформы. Но для начала хочется обратить внимание на её нюансы.

Одна из особенностей новых изменений: пенсионная реформа 2015 направлена на стимулирование граждан как можно позднее выходить на пенсию. Стаж в 15 лет обеспечит гражданам лишь минимальную страховую пенсию, а максимальную выплату смогут получать граждане, стаж работы которых составляет не менее 30 лет. Вводится и минимальный порог баллов, необходимых для начисления пенсии. Он будет увеличиваться из года в год с 6,6 до 30 баллов в 2025 году [4].

Таким образом, получить пенсию гражданам будет сложнее. Во-первых, минимальный трудовой стаж увеличивается до 15 лет, во-вторых, вводится такое понятие как «накопительный коэффициент», которых надо накопить 30 штук.

Согласно новому закону, предполагается увеличение страхового стажа в зависимости от года выхода на пенсию. То есть, к примеру, если вы выйдете на пенсию в 2015 году, то стаж должен быть не менее 6 лет, а вот после 2025 – уже не менее 15 лет.

Понятие «трудовая пенсия» уходит в прошлое; теперь правильнее будет говорить «страховая пенсия». И она будет исчисляться не в рублях, а в баллах. Пенсионный балл будет устанавливаться ежегодно и изменяться с учетом инфляции.

Помимо накопленных баллов, к пенсии будет производиться прибавки от государства. Их размер будет одинаков для всех, независимо от стажа или баллов.

Если Вы уже получаете пенсию в России, и она была назначена до 1 января 2015 года, то необходимо будет пройти процедуру пересчета выплат. Если по новым правилам сумма останется меньше - ее не будут урезать, а если окажется выше, то бумажных купюр в вашем кошельке станет больше. Размер пенсий людям, которые достигли 50 лет, будет начисляться по нынешнему законодательству. Начисление пенсии по старости не изменится, так как реформа не затронет данные слои населения.

Исходя из информации с официального сайта ПФР, с 1 января 2015 года стоимость пенсионного балла составляет 64,1 рубля, размер фиксированной выплаты к страховой пенсии – 3 935 рублей. Но уже с 1 февраля 2015 года стоимость балла и размер фиксированной выплаты будут проиндексированы на фактически сложившийся индекс потребительских цен за 2014 год – прогнозно на 11,5%. [5]

Несмотря на, казалось бы, идеальную стратегию дальнейшего пенсионного развития в РФ, при более детальном рассмотрении все оказывается не так заманчиво, как на первый взгляд. К группе риска

относятся те граждане, которые получают зарплату «в конвертах» или иным образом скрывают свои доходы.

Пенсионный коэффициент, который необходимо «заработать» гражданину (баллы) – это не что иное, как показатель трудовой деятельности человека за год. То есть это соотношение взносов, которые выплачиваются работодателем в пенсионный фонд с зарплаты гражданина и максимальной зарплаты, с которой работодатель может уплачивать взносы в соответствие с законом.

Итак, давайте все же перечислим основные минусы пенсионной реформы:

1. Нет системы пересчета пенсии для тех, кто продолжает работать.
2. Увеличен стаж для начисления пенсии с 5 до 15 лет.
3. Формула для расчета своей пенсии настолько сложная, что простой гражданин запутается в ее показателях уже на начальных этапах. Более того, пенсия зависит от того, в каком году вы родились и ушли на пенсию. Может оказаться так, что имея со своим коллегой одинаковые зарплаты, одинаковый стаж работы и т.д., пенсия у вас все равно будет разной.

Анализируя нововведения, установленные вышеуказанными нормативными актами можно обобщить основные цели и задачи пенсионных реформ.

Совершенствование формирования пенсионных прав в распределительной составляющей пенсионной системы является одним из главных направлений пенсионной реформы.

Основной способ его реализации - предоставление гражданам дифференцированного пенсионного обеспечения с учетом личного участия в государственной пенсионной системе солидарного характера.

Наиболее эффективным инструментом решения данной задачи, как показывает обширный зарубежный опыт, является переход от условно-накопительной формулы исчисления страховой части пенсии к «балльной». В самом общем плане «балльная формула» формирования пенсионных прав сводится к тому, что за каждый год трудового стажа застрахованное лицо приобретает определенное количество баллов, общая сумма которых после завершения трудового этапа в жизни человека и наступления права на соответствующий вид пенсии конвертируется в денежный эквивалент путем умножения на актуальную стоимость одного балла [6].

Таким образом пенсионная реформа предполагает не просто повышение пенсии с мизерными добавками, а конкретное изменение в

этой сфере. Все будущие выплаты будут напрямую зависеть только от Вас, а точнее от качества работы, зарплаты и страховых расходов. Следует лишь помнить формулу особого расчета личного годового коэффициента и завести небольшой блокнот для записи необходимых цифр. Таким способом вы полностью осуществляете контроль над выплатами, а точнее над их количеством, и повышение пенсии в 2015 году и в 2020 зависит только от Вас.

Литература

1. Шмелев Ю.Д., Ижаева А.Р. Проблемы реформирования системы пенсионного обеспечения в РФ // Финансы. 2012. № 2. С. 50-53.
2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» / «Российская газета» № 296, 31.12.2013.
3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» / «Российская газета», № 295, 30.12.2013.
4. Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения 09.01.15).
5. Интернет адрес: Официальный сайт Пенсионного фонда РФ www.pft.ru.
6. Зайцева А.Н. Человек и экономика России в условиях рыночных реформ // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 11. Серия «Экономика». С. 6-13.

Тезйел (Аглиуллова) А.Х. ©

Канд. социол. наук, младший научный сотрудник
кафедры социологии управления факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Согласно сложившимся в науке представлениям, основное предназначение гражданского общества – осуществление взаимосвязи личности и государства, перевод частных и групповых интересов на язык об-

© Тезйел (Аглиуллова) А.Х., 2015 г.

щезначимых проблем. При всем множестве теоретических подходов к определению гражданского общества главным остается его субъект – личность, гражданин, социальная группа, некоммерческое объединение и др. О гражданском обществе можно говорить как о «совокупности ответственно действующих людей, для которых при всех их различиях характерны самодеятельность, личная ответственность, самопомощь, самоуправление, солидарность» [1;50].

Ужесточение геополитической ситуации, очередной экономический кризис, а также масштабные социетальные изменения в последние несколько лет повлекли за собой активизацию гражданского общества в России. Обозначились социальные группы, которые с помощью новых возможностей сетевых коммуникаций заметно продвинули решение проблем соблюдения гражданских прав и законов всеми субъектами социума. Наиболее острыми вопросами, выносимыми на повестку дня, стали проблемы коррупции, неработоспособность судебной системы, отсутствие надёжной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов [2].

Появились различные блоггер-сообщества, объединения волонтеров, «движения одного требования» (обманутых пайщиков и дольщиков, экологов, защитников архитектурного наследия и т.п.).

Формирование гражданского общества в России коррелирует с процессом становления среднего класса, понимаемого, в первую очередь, в качестве социального стабилизатора, проводника социальной мобильности, основного потребителя товаров и услуг, интегратора национальной культуры и общественных интересов. Считается, что именно средний класс имеет патерналистские настроения, задает антагонизму полярных слоев общества созидательную ориентацию, сглаживает коллизии между ними и обеспечивает эволюционный характер развития, транслируя всему обществу соответствующие ценности и нормы [3; 94].

Вместе с тем современный кризис государственных институтов, повлекший за собой масштабное имущественное расслоение и рост социальной напряженности, ставят под сомнение стабилизирующие функции среднего класса как субъекта гражданского общества. Бурный рост гражданской активности происходит на фоне заметной деактуализации идеи стабильности и повышения градуса социальной напряженности [4; 4]. Представители среднего класса сегодня – не патерналистски настроенные безынициативные социальные группы, а активные граждане, которые «не ведают страха, более образованы и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, что создает мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать» [5; 148].

Таким образом, стратегия развития гражданского общества в современной России упирается в необходимость повышенного внимания к среднему классу со стороны органов государственного управления и политических организаций.

Однако проявляемый в России общественный интерес к среднему классу постоянно сталкивается с нерешенными вопросами теоретико-методологического и прикладного характера. «Средний класс» остается одним из наиболее дискуссионных понятий в современной социологии. Одни исследователи подразумевают под ним реальные социальные общности, выделяемые по различным критериям (уровень доходов, профессия, образование, род деятельности и др.) [6, 7, 8], другие – называют средний класс мифом, удобным для экономического и политического манипулирования [4, 9, 10].

Полемическая направленность различных исследований основана, в первую очередь, на сравнении с опытом западных стран. Одни ученые используют критерии выделения среднего класса, сложившиеся в зарубежной социологии, и занимаются поиском его аналога в российском обществе. Другие исследователи считают непродуктивным применение западноевропейских моделей для изучения российского среднего класса. В результате количественные оценки российского среднего класса также либо существенно варьируют (от 6 до 60-70% населения), либо наличие данной категории в социальной структуре отрицается вовсе. Также недостаточно работ, связанных с региональной спецификой формирования среднего класса, а также исследований его социальной активности, степени интегрированности, ценностей и мировоззренческих установок.

В свете сказанного комплексный анализ сложившихся в современной социологии теоретических подходов к идентификации среднего класса, выделение четких критериев и формулировка внятного определения представляются особенно актуальными.

Теоретическое исследование среднего класса в истории социально-философской мысли и современной западной и отечественной социологии подробно представлено в нашей монографии [11]. Проведенный анализ позволил свести многообразие авторских взглядов на идентификацию среднего класса к трем крупным теоретико-методологическим подходам: *стратификационному*, *классовому* и *синтетическому*.

В основу выделения указанных подходов легли следующие показатели: 1) онтологический статус категории «средний класс» (реальность / номинальность); 2) источник формирования и социальный состав «среднего класса»; 3) роль «среднего класса» в социальной структуре общества [11; 89-90]. Первые два подхода восходят к классикам социологии – К.Марксу и М.Веберу; а третий связан с теориями постинду-

стриального общества – концепциями Д.Белла, Ю.Хабермаса, А.Турена, П.Бурдьё и др.

Классовый подход демонстрируют работы З.Т.Голенковой и Е.Д.Игитханян [12], Н.М.Римашевской [13], М.Н.Руткевича [14], Ю.В.Арутюняна [15] и др. В его рамках внимание исследователей уделяется в первую очередь социальной поляризации современного российского общества, тенденциям обнищания населения, размыванию / отсутствию среднего класса.

Стратификационный подход к идентификации среднего класса в современной социологии отражают ранние работы Л.А.Беляевой [16], Л.А.Хахулиной [17], О.И.Шкаратана [18], Ю.А.Левады [19], некоторые исследования Н.Е.Тихоновой и М.К.Горшкова [20]. В рамках данного подхода российский средний класс сопоставляется с соответствующими западными стандартами и идентифицируется по таким критериям, как уровень жизни, социально-профессиональный статус, образование, самоидентификация.

Синтетический подход представляют работы Т.М.Малевой [21], Т.И.Заславской [22] и Н.Е.Тихоновой [23, 24]. В его рамках определяющим критерием среднего класса является объем и структура совокупного капитала, или тех ресурсов (экономических, квалификационных, социальных властных, символических), которыми владеют индивиды и которые способны конвертироваться один в другой. Количественные оценки российского среднего класса, выделенного по обозначенному критерию, варьируют от 6,9 до 20% населения.

В условиях современного постиндустриального общества, когда важнейшим ресурсом становятся знания, уровень культуры, личностные качества индивидов, ни марксистская, ни веберовская традиции уже не могут адекватно описать социальную реальность. Наиболее перспективной теоретической парадигмой стратификационных исследований представляется ресурсный подход, который «сулит существенный методологический прорыв по отношению к тем противоречиям и сложностям, в которых буквально «застряли» сегодняшние исследователи стратификации» [24; 272].

В соответствии с результатами проведенного анализа представляется, что наиболее адекватная методология идентификации российского среднего класса принадлежит сторонникам *синтетического (ресурсного) подхода*. При эмпирическом измерении российского среднего класса, на наш взгляд, необходимо применять дополнительный *социокультурный критерий*, предполагающий высокую обеспеченность индивидов интеллектуальными, личностными и культурными ресурсами.

По итогам вышеизложенного можно сформулировать следующее определение:

Средний класс (как субъект гражданского общества) – это социальные группы, которые благодаря своему образованию, профессиональным и личностным качествам, культурному капиталу и мировоззренческим установкам могут успешно адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям и проявлять гражданскую активность по актуальным общественным вопросам.

Итак, исследование среднего класса как субъекта гражданского общества позволило сделать следующие выводы:

1) Формирование гражданского общества в России неразрывно связано с формированием среднего класса. При этом в качестве субъекта гражданского общества средний класс сегодня все меньше ориентируется на стабилизирующие функции и все активнее выступает аккумулятором и рупором общественного мнения, абстрагированным от власти и готовым на решительные гражданские действия;

2) Оценки масштабов и структуры среднего класса требуют тщательно разработанной теоретико-методологической базы. Теоретической парадигмой, наиболее адекватно отвечающей современным реалиям, является синтетический (ресурсный) подход, а ключевым критерием его идентификации – социокультурный критерий, предполагающий высокую обеспеченность индивидов интеллектуальными, личностными и культурными ресурсами;

3) Средний класс в условиях положительных сдвигов в социально-экономической сфере и создания доступных условий накопления совокупного капитала индивидов сможет вернуть свои стабилизирующие функции и стать тем ведущим субъектом гражданского общества, на который смогут опереться властные органы, социальные и политические круги.

Литература

1. Баландина Э.Г. Гражданское общество в России и его субъекты // Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия: Материалы международной конференции «Информационные технологии в образовании, технике и медицине». Волгоград: Издательство «Волгоград», 2002. - С.49-60.
2. Шестопад Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегии развития страны// Политические исследования. 2014. №2. С. 61-72.
3. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этнос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии: научно-публицистическая монография. Тюмень: ТюмГНГУ, 2000. 272 с.

4. Петухов В.В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 1-7.
5. Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно- мотивационный аспект) // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С.141-155.
6. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001. 183 с.
7. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-23.
8. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К.Горшкова, Н.Е.Тихоновой. М., 2004. 259 с.
9. Казакова В.И. Средний класс как феномен пограничья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2008. № 6. С. 333-342.
10. Левада Ю.А. «Средний человек»: фикция или реальность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 7-12.
11. Аглиуллова А.Х. «Средний класс»: генезис определения в западной и российской социологии (монография). М., 2010. 91 с.
12. Голенкова З.Т. Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы) // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 44-53.
13. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 55-65.
14. Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 3-19.
15. Арутюнян Ю.В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 29-40.
16. Беляева Л.А. Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. №10. С. 13-22.
17. Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 24-33.
18. Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. М., 2005. 81 с.
19. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993 - 2000. М., 2000. 576 с.
20. Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2008. 320 с.
21. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М., 2003. 506 с.

22. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
23. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28-40.
24. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алигаджиева М.А. ©

Руководитель дагестанского «Центра глобальных вопросов современности и региональных проблем. Кавказ. Мир. Развитие».
Республика Дагестан, г. Махачкала

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭТНОКРАТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКРЕТИКИ

Аннотация

В статье рассматриваются условия формирования новых национальных элит, которые во имя достижения своих целей нередко проявляют тенденции к самоопределению или самоидентификации себя в качестве национальных лидеров, якобы выражающих волю целых народов, узурпирующих право говорить от их имени.

Дагестан, как и любой многонациональный субъект государственного федерализма, располагает своими национальными элитами, соперничество которых (гласное или негласное) в борьбу за власть, доходы, сферы влияния, вес и авторитет в республиканском или федеративном социуме и политическом континууме обуславливает возникновение межнациональных конфликтов разной степени выраженности и окраски.

Рожденные перестройкой процессы с повторяющейся регулярностью приобретали естественную форму характерную для национального возрождения и появления национальных движений.

Демократические национальных движений отражали устремления граждан различных национальностей к собственному самоопределению и своему самоуправлению, к общему улучшению социальных условий, к сохранению и дальнейшему развитию собственных национальных культур. Эти движения возникли как реакция на возросший бюрократический централизм, проявивший неспособность считаться с

личной ценностью всех национальных форм принятого общественной жизни [3].

П. Хлебников, одной московской газете заявлял, что то, с чем страна столкнулась в 90-е гг. далеко не реформы, и вовсе не рыночная экономика, это катастрофа небывалых размеров. Власть в свои руки взяла мафия, ее захватили коррупционеры-чиновники, и разные бандиты. Эти люди имели полностью искаженное представление о тех способах принципах, что породили и способствовали развитию западной экономики[2].

Вывод о высокой степени конфликтности российского общества в особенности касается тех регионов, которые относятся к числу дотационных, депрессивных, таких например, как Дагестан. Здесь буквально все показатели, характеризующие уровень экономического и социального благосостояния населения, намного ниже общероссийского.

Все это способствует процессу развития конфликтов, проведению несанкционированных митингов,[4] забастовок [6, с.37].

Совершенно, очевидно, что митинги – это возможность сосредоточить общественное мнение на острых проблемах, выразить позицию определенных групп людей. Все так. Но нельзя победу постепенно превращать в поражение. А такое опасение возникает, потому что наши самостоятельные общественные формирования превращают митинги в жупел для нагнетания политических страстей.

Таким образом, переходное время дало мощный толчок для возникновения новых кланов, претендующих на непосредственное участие в системе власти. И, как обычно в истории как старые, так и новые склонны нагнетать конфронтацию в условиях кризиса. Особенно опасна межклановая борьба лидеров.

В нашей республике развернулись межклановые конфликты за передел собственности. Национальные движения делали попытки придать ей этнополитический характер. В этой связи интересно отметить, что высказываниях лидеров ряда национальных движений Дагестана ставилась задача создания клана национальной буржуазии, т.е. собственников. Во многом эти идеи нагнетались в силу объективных причин, связанных с неоднородностью социально-экономического развития различных зон Дагестана.

Подлинный смысл происходящего состоял, прежде всего, в смене элит общества, в формировании нового правящего класса, владеющего огромной собственностью. Ни интеллигенция, ни квалифицированные рабочие, ни учителя, ни врачи больше не входят даже в т.н. средний класс. Все они «ввалились» в яму бедности. Образование

в России – фактор, не увеличивающий шансы на богатство, а снижающий их. Темп социального расслоения необычайно высок, а это масштабное расслоение произошло и продолжает прогрессировать всего за два-три года. За счет обнищания массового среднего класса ускоренно формируется верхушечная элита. И это происходит, как говорить, средь белого дня, к большому сожалению, на основе не роста, а падения производства. Новое расслоение осуществляется за счет глобального перераспределения бывшей общенародной собственности, с создания теневой экономики. Народ назвал этот метод «прихватизацией».

Следует подчеркнуть, что никогда в истории Дагестана опасность столкновения людей, народов на межнациональной основе не была так реальна, как в начале 90-х годов XX столетия. Над республикой тогда действительно нависла опасность гражданской войны.

Говоря в самом общем плане, имеет смысл еще раз констатировать, что национальные движения Дагестана во главе с их политическими и культурологическими элитами ставили перед собой первоначально разномасштабные по амбициозности задачи. Часть из них под лозунгом «права наций на самоопределение власть до отделения» выдвигала программное требование раздела Дагестана по национальному признаку. Другая, более умеренная, часть ограничивалась установкой на расширение «культурно-национальной автономии». Понятно, что национально конфликтный потенциал в более значительной степени содержался в первом требовании, и нет ничего удивительного в том, что его сторонники в настоящее время его официально сняли.

Взаимообусловленные процессы как роста национального самосознания, стремления к независимости, с одной стороны, так и роста интегративных связей и тенденций, с другой – самая яркая характерная черта национального существования, на которую обращают внимание многие философы [7]. Так, А.Г. Агаев пишет: «В истории человечества наблюдается и такая закономерная тенденция, как смена периодов национального подъема периодами стагнации, упадка, пассивизации. Внутренне сложна и противоречива диалектика всех периодов. На активизацию национальности одновременно влияет множество объективных и личных обстоятельств, внешних и внутренних сил. Периоды национальной активности и пассивности, противоположные по своим характеристикам, не отделяются друг от друга резкими разграничительными линиями, они взаимопроникают» [1, с.3]. Как пишет М.Б. Мустафаев, «развитые до предела национально-ориентированные

ценности в современных условиях очень часто встречаются с диалектически противоречащими силами, дезориентирующими на столкновение или раскол национально-межнациональных ориентаций личности» [5, с.28].

По мнению американского ученого В. Хесли, национализм основывается на принципе самоопределения, а демократия в равной степени - на принципе народного суверенитета. «Следовательно, - подчеркивает В. Хесли, - демократия подразумевает право на самоопределение. Таким образом, идеи национализма и демократии теоретически и практически связаны во взаимодополняющий и все же нелегкий союз» [8, с.136].

В сказанном кроется одна из серьезнейших, на взгляд автора, ошибок нашей, а возможно, и всей мировой, политологии: представление о том, будто демократия, как политический режим, обязательно предполагает признание «права наций на самоопределение». Это – не так. Огромная масса современных демократических государств обходятся без провозглашения этого «права». И множество государств, признавая и декларируя ее официально, на деле его не соблюдают, и соблюдают объективно не могут. А это «право» служит – не секрет – основой и оправданием множества геноцидов и других преступлений против человечности, реабилитации национализма, нацизма, шовинизма, фашизма. Мы энергично боремся с последствиями этого права, как их причины, но боимся тронуть саму эту причину. И пока подобная ситуация будет сохраняться как привычный идеологический штамп или стереотип массового сознания, - неизбежно будет сохраняться и национализм с его страшными для гуманизма последствиями.

Конечно, это не означает, будто с этими последствиями, как и с национализмом, вообще, не следует бороться. Бороться необходимо! Но при этом надо осознавать, что эта борьба в том виде, как она протекает сейчас – крайне малоэффективна. Это все равно, что собирать разливающуюся нефть, не желая перекрыть ее скважину.

Литература

1. Агаев А.Г. Нациология: философия национальной экзистенции. Махачкала, 1992. С. 3.
2. Версия. 2001, № 23.
3. Дагестанская правда. 1990, 17 июля.
4. Магомедов А.А. «Так недалеко и до трагедии» //Дагестанская правда. 26 октября 1991.

5. Мустафаев М.Б. Теория и методика развития процесса межнационального общения в учреждениях культуры и образования. Автореферат дисс. доктора педагогических наук. 13.00.05. М., 2003.
6. Османов Г.Г. Современные проблемы Дагестан: геополитическое положение и международные отношения. Махачкала, 1999.
7. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Региональный центр этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН. Махачкала, 1999.
8. Хесли В. Возрождение национализма и дезинтеграция государства. Материалы российско-американского семинара «Глобальные социальные и политические перемены в мире». Москва. 23-24 окт. 1996. М. 1997.

Волохо А.В. ©

Кандидат политических наук

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Аннотация

В статье рассматриваются общественные организации и объединения как инструменты влияния на политическую безопасность России. Рассматриваются возможности влияния иностранных агентов на внутриполитические процессы в Российской Федерации в условиях жесткой политической конфронтации с США и ЕС.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая безопасность, общественные организации и объединения, иностранные агенты.

Volokho A.V.

Candidate of politology

**CIVIL SOCIETY AS A TOOL TO STRENGTHEN
RUSSIAN POLITICAL SECURITY**

Abstract

The article deals with social organizations and unions as instruments of political influence on the security of Russia. The possibilities of the influ-

ence of foreign agents in the political processes in the Russian Federation in the face of fierce political confrontation with the US and the EU.

Key words: civil society, political security, social organizations and associations, foreign agents.

В условиях глобального насаждения «американского» типа демократии, в России возникла реальная угроза политической безопасности. Ситуация, сложившаяся в арабском мире (так называемая, арабская весна), а сегодня и в сопредельной Украине, наглядно показывает, что при отсутствии развитого гражданского общества роль его институтов на себя активно «примеряют» спецслужбы заинтересованных в дестабилизации обстановки стран.

Сегодня российское гражданское общество проходит очередной этап своего становления. Граждане впервые в новейшей истории ощутили потребность участия во внутренней и внешней политике, что подтверждается увеличением числа участвующих в митингах, которое даже не смогли спрогнозировать организаторы. События на «Болотной» и «Сахарова» показали способность россиян к самоорганизации, однако эти же события свидетельствуют и о неспособности некоторых сограждан разобраться в сути происходящих политических процессов. Уже во время самих событий стало очевидно, что без активного вмешательства иностранных, а в первую очередь, американских специальных служб, здесь не обошлось, а следовательно – активные члены российского общества сами того не подозревая, становились средством достижения геополитических интересов США и стран ЕС. С тех пор не прошло и двух лет, а значительная часть тех, кто митинговал против власти и лично против В.В. Путина, сегодня активно поддерживает президента [3] (более 85 процентов россиян поддерживают политику главы государства).

Суть «болотных брожений» стала очевидна благодаря расследованию [1], проведенному корреспондентами телеканала «НТВ», которое способствовало возбуждению ряда уголовных дел против лидеров активистов «Болотной» и «Сахарова». Деятельность внесистемной оппозиции, финансируется, как правило, из-за рубежа, и имеет направленность на ослабление государства, его расчленение, поддержку экстремизма и сепаратизма. С. Удальцов, лидер «Левого фронта», уличен в подготовке силового захвата власти [4] на зарубежные средства. Уголовный процесс по данному делу наглядно продемонстрировал, какую роль играют институты гражданского общества в системе обеспечения политической безопасности государства.

События в Украине лишь подтвердили опасения многих политологов: протестные движения в странах постсоветского пространства, Ближнего Востока и ряда стран Северной Африки – хорошо спланированные, но уже плохо замаскированные действия Госдепа США. Как отмечают политологи, причем не только российские, чувствуя безнаказанность и имея самую большую военную машину мира, Штаты утратили не только потребность в маскировании своих действий по устранению неугодных режимов, но и в целом чувство реальности. Апробировав и отладив технологию относительно мягкой смены власти в ряде государств – бывших республиках СССР, Соединенные Штаты успешно воспользовались ею в ряде государств Африки и Ближнего Востока. Продвигая НАТО на восток, та же участь вслед за Грузией была уготовлена и Украине, где не сработали шаблоны вышеупомянутой технологии. Фактически доведя государство в центре Европы до гражданской войны, Штаты заявляют о том, что Россия стоит у порога НАТО [7] – еще одно свидетельство потери чувства реальности у Госдепа США.

В связи с этим, целый ряд стран, в том числе и Россия, по примеру тех же Штатов, ограничили деятельность общественных организаций и объединений, чья деятельность финансируется из-за рубежа. Российский законодатель очень точно отразил специфику деятельности подобных организаций в названии закона – «иностранные агенты» [5]. Активизация гражданского общества в России связана с процессами, происходящими в том числе, и в Украине. Штаты предсказуемо изменили тактику влияния на политику государства и вышли на новый уровень формирования общественного мнения. Сегодня становится все более очевидным тот факт, что СМИ США и Европы стали очень похожи на пропагандистскую машину Советского Союза, а их граждане вынуждены искать альтернативные источники информации, что подтверждает стремительный рост популярности российского информационного канала Russia Today, вещание которого налажено во многих странах на нескольких наиболее распространенных языках.

Примечателен и тот факт, что за время вооруженного противостояния востока и запада Украины, при котором погибло по самым скромным оценкам несколько тысяч человек с каждой стороны, не было ни одной серьезной попытки со стороны международных правозащитников остановить массовые убийства мирных жителей Донбасса. Это свидетельствует о том, что правозащитная деятельность подобных организаций является лишь прикрытием их истинных целей, а необходимость отрабатывать финансирование заставляет замечать нарушения

прав человека только в строго определенных ситуациях и государствах. Действуя таким способом, международные правозащитные организации дискредитируют себя в глазах мирового сообщества, лишая себя доверия, которое является одним из основных принципов функционирования общественных организаций.

События, произошедшие в Украине и России за последний год, стали возможны благодаря широкому участию всех институтов гражданского общества. Без поддержки общественности были бы невозможны ни государственный антиконституционный переворот в Киеве, ни выход Крыма из состава Украины, ни тем более – его вхождение в состав Российской Федерации. Однако стремительный рост гражданской активности на фоне событий в Украине проявил и скрытые прежде проблемы институтов гражданского общества в аспекте их влияния на политическую безопасность.

Актуальность проблемы гражданского участия в политических процессах до прошлого года была обусловлена следующими факторами объективного и субъективного характера:

1. *Обострением угроз и вызовов России в различных сферах (политической, экономической, социальной, культурной, духовной и др.).* В условиях конфронтации Запада и России выявить угрозы оказалось совсем не сложно. В целом, их перечень остался неизменен, однако до недавнего времени он активно подвергался критике со стороны политиков ЕС, США и ряда других стран. Сейчас стало очевидно, что угрозы по указанным направлениям реальны. Более того, по многим направлениям в настоящее время идет активное противодействие политике России с применением способов и методов, которые принято называть «неспортивными».

2. *Неразвитостью современного гражданского общества России и его основных политических институтов, нелинейностью этого развития.* Уровень развития гражданского общества и его основных институтов в первую очередь говорит о состоянии самого государства, его экономической составляющей, а также об уровне политической культуры граждан, которая напрямую зависит от первых двух факторов. Нелинейность развития институтов гражданского общества свидетельствует о занятости активной части населения решением бытовых вопросов, которые в условиях экономически слабого государства все чаще выходят на первый план. Это в свою очередь ведет не к эволюции институтов гражданского общества, как это обычно происходит в развитых странах, а к революционным тенденциям, когда на смену еще не устоявшимся институтам приходят но-

вые, не доказавшие свою эффективность, а главное – применимость в специфических условиях российской демократии.

3. *Недостаточной демократизацией российского гражданского общества, недооценкой его политического потенциала.* Прежде всего, свой политический потенциал недооценивают сами граждане. Позиция многих заключается в том, что «я ничего изменить все равно не смогу, там, наверху, за меня уже давно все решили». Ни в одной развитой стране невозможно услышать от граждан такой позиции. Поверить в свои силы и возможности граждан заставляют примеры из жизни. Так, на выборах мэра Москвы оппозиционный лидер Навальный набрал приблизительно треть всех голосов, чем немало удивил наблюдателей. Такие примеры медленно, но уверенно меняют установки граждан и повышают их политическую ответственность, заставляя верить, что каждый персонально несет ответственность за свой выбор и за свое будущее. Недооценивают политический потенциал граждан и власти, проводя предвыборную кампанию недостаточно эффективно, в надежде на голосование граждан по принципу «против пятой колонны».

4. *Активизацией деятельности граждан и организаций «третьих» стран в политической сфере России.* После внесения изменений в закон «Об общественных объединениях», иностранным спецслужбам стало гораздо труднее вести деятельность на территории России, а после событий в Украине, российское гражданское общество стало более разборчивым в отношении общественных организаций и объединений, финансируемых из-за рубежа. В последнее время такие организации утратили свои прежние позиции, а доверие к ним со стороны граждан с каждым днем становится все меньше. Вместе с тем, в России на сегодняшний день функционирует еще масса организаций, зарубежное финансирование которых пока не доказано, а также успешно работает целый ряд СМИ, в сферу интересов которых входит ежедневная дискредитация действующей власти любыми формами и способами.

5. *Отсутствием проработанного механизма влияния гражданского общества на политическую безопасность.* В условиях отсутствия такого механизма, а также под давлением со стороны Запада, российское гражданское общество вынуждено вырабатывать защитные меры. Такие действия находят свое отражение, прежде всего, в консолидации и поддержке своего лидера. Непонятно для Запада, но очевидно, что граждане готовы идти на определенные ограничения и даже на некоторое снижение уровня жизни, увидев за последние несколько десятилетий адекватную внешнюю политику высшего руководства

страны. Деятельность россиян в составе ополчения Новороссии убедительно доказывает, что не найдя достаточно эффективных правовых форм и методов обеспечения политической безопасности государства, граждане способны добровольно ее обеспечивать даже с оружием в руках.

К этим проблемам в 2014 году добавились и новые:

Попытки США и ЕС изолировать Россию от мирового сообщества (изолировать Россию невозможно, однако попытки не прекращаются). Президент США Б. Обама среди глобальных угроз современности ставит в один ряд лихорадку Эбола, вооруженную исламистскую группировку ИГИЛ и внешнюю политику Российской Федерации. Действуя подобным образом США стремится максимально ограничить развитие России по всем направлениям, включая космос, культуру и даже спорт. Вместе с тем, многие спортивные и культурные всемирные организации оказались более прагматичными, чем чиновники США и ЕС, и от сотрудничества с Россией отказываться не собираются. Более того, на фоне российского эмбарго на ввоз отдельных групп продовольствия из стран, присоединившихся к санкциям против России, все более заметны протестные акции предпринимателей Евросоюза, которые оказались в тяжелом экономическом положении из за политики глав своих государств в отношении России.

Введение ряда санкций к юридическим и физическим лицам, а также к целым секторам экономики государства. Введение санкций подрывает доверие к иностранному бизнесу, международному сотрудничеству и вообще – к верховенству принципов и норм международного права. Президент США открыто координирует международный шантаж России за ее внешнюю политику. Делая это, Б. Обама практически ничем не рискует: ни голосами избирателей, так как пойти на следующий срок уже не может, ни разрывом экономических и торговых отношений, потому как их объемы не значительны и не могут идти в сравнение с товарооборотом России и ЕС.

Непринятие политики России привело к росту враждебности представителей российского гражданского общества к США и ЕС. Побочным эффектом этого стала небывалая консолидация россиян и взрывной рост поддержки Президента [2] (сам по себе такой рейтинг не только отражает высокий уровень доверия лично В. В. Путину, но и показывает опасные тенденции к авторизации власти и появлению культа личности, что всегда отрицательно сказывается на благополучии страны. На фоне ухудшающегося экономического положения России в условиях санкций Запада уже в октябре 2014 года рейтинг главы

государства немного просел и достиг отметки в 63%, что положительно сказывается на внутривластной ситуации в России).

При таком проценте поддерживающих президента правозащитники более не могут говорить об авторизации власти, оппозиционные политические силы представляют треть населения страны, что вполне укладывается в представления о развитии демократическом обществе. Более того, рейтинг в 85 % и более может свидетельствовать и о возможности завышения оценки деятельности лидера страны, что всегда отрицательно сказывается на имидже власти. Достигнутый к октябрю уровень поддержки политики В.В. Путина в целом способствует динамичному и гармоничному развитию государства.

Вышеперечисленные аспекты наглядно показывают, что сегодня назрела проблема оптимизации гражданского участия в процессах обеспечения политической безопасности, остро стоит вопрос о разработке законодательного механизма реализации возможностей гражданского общества по нейтрализации угроз и вызовов.

Следует отметить, что гражданское общество в России имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при решении вопросов его влияния на политическую безопасность:

Сильная искаженность институтов гражданского общества в условиях СССР на протяжении нескольких поколений. Российское гражданское общество формировалось из сильно искаженного гражданского общества Советского Союза. Тоталитарный режим накладывал определенные ограничения на развитие всего спектра институтов гражданского общества, а сами институты зачастую приобретали причудливые деформированные формы. Политическая система СССР не предусматривала для КПСС конкурентов, а сама партия имела беспрецедентные права в области контроля граждан, что заставляло общество развиваться в условиях значительного ограничения прав и свобод.

Многие институты гражданского общества сильно отличались от подобных им в других странах. Например, профсоюзы и многие другие функционировали не на принципе самоорганизации. Ответственные организации и объединения в своей деятельности всегда были подотчетны и подконтрольны партии, руководились ее членами и зависели от нее. Некоторые черты институтов гражданского общества СССР заметны и сегодня, а это, в свою очередь, делает общественные организации менее эффективными.

Низкая политическая культура населения. Резкая смена политического устройства государства после распада Советского Союза обусловила значительное расширение прав и свобод граждан, однако

она не предусматривала воспитание политической культуры населения, в результате чего на протяжении двух десятилетий государство не ставило себе задач по повышению политической культуры своих граждан. Следствием этого является достаточно условное владение населением геополитической и социально-экономической обстановкой.

Наличие политического участия при отсутствии должной подготовки у акторов. Нет ВУЗов, которые бы целенаправленно занимались подготовкой депутатов и чиновников, однако важно понимать, что заниматься законодательством и управлять государством не могут лидеры без образования, так как подобная деятельность подразумевает глубокое знание многих специальных дисциплин в области фундаментальных и прикладных наук.

Активная пропагандистская деятельность стратегических противников на территории России. События в Украине наглядно показали, что в настоящее время ведется активная идеологическая обработка населения практически всей планеты в основном через интернет и традиционные средства массовой информации, направленная, прежде всего на развитие русофобских настроений.

Беспрецедентное внешнее давление на российское гражданское общество через его общественные организации и органы государственной власти Запада. Санкции Запада, введенные в ответ на российскую внешнюю политику в отношении Украины, вызвали ряд обращений в различные международные суды, так как санкции являются средством недобросовестной конкурентной борьбы, не имеющими ничего общего с развитием свободных рыночных отношений. Желание политиков Европы и США очевидно: введением санкций добиться антигосударственных волнений в обществе, направленных главным образом конкретно на В.В. Путина и его ближайшее окружение. Однако уже сейчас понятно, что подобная политика не имеет никакого успеха.

Традиционное доминирование верховной исполнительной власти над институтами гражданского общества. Гражданское общество в России настолько инертно, что зачастую его деятельность приходится активизировать «сверху» путем инициирования различных общественных проектов чиновниками различного уровня.

Стремление россиян к консолидации и самоорганизации в условиях возникновения реальной угрозы внешнего воздействия во внутриполитические процессы России. В истории России такое было уже не один раз. Об этом много написано историками, последний подобный рост фиксируется в период Великой Отечественной Войны.

Отсутствие адекватной нормативной базы для работы гражданского общества по реализации своих интересов во всех сферах жизни общества, в том числе и по укреплению политической безопасности. Российская государственность насчитывает два с половиной десятилетия, что явно недостаточно для появления в стране совершенной нормативной правовой базы, однако этот недостаток характерен практически любому современному государству.

Отсюда следует, что сегодня гражданское общество не имеет возможностей активного влияния на государственную политику в сфере обеспечения безопасности, в том числе и политической. Следует отметить, что современное российское гражданское общество хотя и является очень молодым по меркам политологов, но уже способно отстаивать свои интересы, заявляет о себе все чаще, привлекает к себе пристальное внимание власти, которая уже не может действовать без учета общественного мнения.

Самым простым и ярким примерам такой не совсем легальной активности служит деятельность ряда российских граждан, выступающих на стороне ополченцев Донецкой и Луганской Народных Республик – не признанных государств. Участие граждан России в противостоянии карательной операции не поощряется властями, но и не имеет негативных последствий в нашей стране, однако находит широкий отклик в обществе. Таким образом, сегодня мы можем наблюдать самое прямое и непосредственное влияние гражданского общества на политическую безопасность государства.

При оценке возможностей влияния гражданского общества на политическую безопасность государства необходимо учитывать факт правового нигилизма значительной части населения страны, а также возможность неадекватного восприятия вызовов и угроз субъектами гражданского общества, что четко проявилось в случае с переворотом в Украине. Значительная часть митингующих на «Майдане» не имело представления об истинных целях акции, участниками которой они являлись.

Оценивая реальные угрозы политической безопасности на фоне возрастающей активности граждан, можно сделать вывод, что дальнейшее развитие демократии в России невозможно без привлечения к решению актуальных проблем политической безопасности гражданского общества. Российское гражданское общество, пусть и недостаточно развитое по меркам Запада, оказалось способным не только нейтрализовать угрозу политической безопасности своего государства, но и оказать реальную помощь в реализации прав и законных интересов жителей восточной Украины, чем немало удивило всю мировую

общественность, заставив лидеров стран ЕС и США искать новые формы и способы оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что наряду с реализацией частных интересов, гражданское общество способно решать и вопросы, касающиеся политической безопасности. Однако для успешной реализации такой важной функции, необходимо совершенствовать нормативную базу по следующим направлениям:

- участия граждан в формировании и реализации государственной внутренней и внешней политики;
- деятельности на территории России иностранных неправительственных организаций, финансирования российских общественных объединений и формирований;
- гражданского контроля во всех институтах современного демократического государства.

Государству жизненно необходимо выработать действенный механизм выявления и нейтрализации деятельности спецслужб геополитических соперников под прикрытием институтов гражданского общества, так как Закон «Об общественных объединениях» [6] с дополнениями по иностранным агентам (с изменениями от 21 июля 2014 года) явно с такой функцией не справляется из-за довольно пространных трактовок «политической деятельности» подобных организаций.

При совместной работе органов государственной власти и гражданского общества в сфере обеспечения политической безопасности важно учитывать весь имеющийся опыт демократических стран с давно устоявшимися механизмами такого сотрудничества, при этом учитывая исторические традиции и особенности гражданского общества современной России. При таком подходе гражданское общество станет надежным политическим партнером и опорой в решении сложных социальных проблем даже в условиях жесткой политической конфронтации основных геополитических конкурентов на мировой арене.

Литература

1. Анатомия протеста-2. НТВ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/352159/> - 11.10.2012.
2. ВЦИОМ. Доверие политикам. Опрос от 26 октября 2014 г.
3. ВЦИОМ. Рейтинг Путина – максимально высокий за последние шесть лет. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114824> – 15.05.2014.

4. Грузинского агента Удальцова из «Анатомии протеста-2» проверит экспертиза. / Московский комсомолец. – 11.10.2012.
5. Федеральный Закон № 121-ФЗ от 20.07.2012 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» / Российская газета. Выпуск № 166 от 23.07.2012.
6. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» / Собрание законодательства Российской Федерации за 1995 год № 21.
7. Ю. Гаврилов, И. Петров «С уважением, вежливые люди» / Российская газета, столичный выпуск, № 6510 от 17 октября 2014 г.

Гриванов Р.И. ©

Кандидат политических наук,
доцент кафедры международного бизнеса и финансов,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ОККУПАЦИОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ США
В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ**

Процесс послевоенной модернизации Японии представляет большую важность для исследования, так как именно он позволил этой стране выйти на ведущие позиции в регионе и мире. Особый интерес вызывает тот факт, что политическая модернизация страны была осуществлена не по классическим моделям полной «вестернизации», а на основе сохранения японских традиционных систем и социума. Выявление в ходе исследования характерных особенностей японского опыта политической модернизации позволяет внести вклад в дальнейшее развитие её общей теории.

При этом уникальность японскому опыту политической модернизации придаёт тот факт, что она была осуществлена под жёстким внешним воздействием. Политическое лидерство и доминирование США, безусловно, сыграли ключевую роль в этом процессе.

Наконец, немаловажно, что многие проблемы современных взаимоотношений России, Японии и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе уходят корнями в рассматриваемый в работе исторический период. Некоторые из них не разрешены до сих пор, другие имеют много общего с исследуемыми в работе событиями прошлых лет.

Нынешним руководством России поставлена важнейшая цель ускорения модернизации страны, а это значит, что изучение опыта политической модернизации Японии представляет не только академический интерес, но и имеет большое практическое значение. Для нас интересен опыт преодоления Японией многих проблем, характерных для постсоветской России, например, таких как: существенные территориальные потери, резкое падение международного престижа в первые годы после слома старой системы, многолетняя зависимость от зарубежных финансовых инвестиций, негативные социальные последствия кризисного состояния экономики и общества в целом, и других. Использование японского опыта по их преодолению может способствовать выработке Россией более эффективных путей для решения собственных проблем.

Отправной точкой послевоенных преобразований и временем максимального участия в них внешних сил, несомненно, является послевоенная оккупация, и её следует рассматривать как период выявления основных тенденций и сил, выведших Японию на ее нынешний уровень влияния в системе международных отношений. С одной стороны, из-за невозможности принятия самостоятельных решений в этот период наиболее ярко видны внешние факторы, определившие политику модернизации и вектор дальнейшего развития Японии в первые послевоенные десятилетия, с другой – анализ настроений и действий правящих кругов страны позволяет выявить те цели и приоритеты, которые во время максимального отказа от амбиций и с минимальным уровнем возможностей для их осуществления, тем не менее, были признаны основополагающими для государства.

Отличием периода оккупации в Японии от положения дел в другом оккупированном силами союзников государстве – Германии – являлось то, что она фактически была осуществлена силами одной из держав победительниц – США, а участие других стран было чисто номинальным. На протяжении оккупации вся реальная власть в Японии оказалась сосредоточена в руках Штаба оккупационных войск (ШОВ) США во главе с генералом Д. Макартуром (в последний год оккупации в связи с разногласиями Макартура и президента США Трумэна по поводу удара по территории КНР из-за войны в Корее его

сменил генерал М. Риджуэй) и, как следствие, влияние США на все преобразования, происходившие в Японии в данный период, было решающим. И именно в проложенном США русле Япония начала осуществлять, по словам Д. Макартура, переход от «слепого фатализма войны к обдуманному реализму мира» [4; 82].

В отличие от оккупации Германии, в результате которой ее правительство было распущено и управление страной осуществлялось непосредственно союзными державами, создавшими Союзную военную администрацию для Германии, в Японии США как единственный оккупант, во многом справедливо опасаясь прихода к власти социалистической оппозиции, в основном сохранили старый государственный аппарат во главе с японским императором, лишь несколько перестроенный и обновленный в ходе чистки, и поручили этому аппарату проведение в жизнь американских директив о послевоенных преобразованиях. Посредством чистки административного аппарата они создали послушную им бюрократическую систему управления снизу доверху.

Вместе с тем США взяли на себя ряд государственных функций: область финансов и внешней торговли, поставили под контроль все органы правосудия, полицейскую власть, составление государственного бюджета, ограничили законодательную власть парламента и т.д. В области дипломатии японское правительство было лишено права устанавливать и поддерживать непосредственную связь с другими странами. Все функции внешней политики Японии находились в руках оккупационных властей и могли осуществляться только через них. Министерство иностранных дел Японии хотя и существовало, однако никакой самостоятельной роли в первый период оккупации не играло. Все его внешнеполитические функции сводились к поддержанию связи между правительством и штабом оккупационных войск. Таким образом, была выстроена система «косвенного управления» страной через существующую бюрократическую структуру, включавшую в себя и императора. Представляется, что сохранение управленческого аппарата и самих довоенных государственных институтов, пусть и подвергнутых серьезным «чисткам», было выгодно, скорее, консервативным, нежели реформистским силам. Как справедливо отмечает американский исследователь того периода Дж. Монтгомери, «чистка как политическая революция не смогла лишить власти старую японскую элиту» [5; 33], но отчетливо видно и то, что усилия США для проведения преобразований были весьма и весьма значительны.

Впервые в истории Японии всем рабочим, в том числе работникам государственных учреждений и предприятий, предостав-

лялось право на организацию профсоюзов, на коллективные переговоры и стачки. Закон предусматривал участие профсоюзов в обсуждении вопросов о кадрах, найме и увольнении, предоставление нанимателями помещений для профсоюзного аппарата, выплату заработной платы освобожденным профсоюзным работникам и т.д. [3; 156].

Были предприняты значительные усилия по ликвидации дзайбацу – крупнейших монополистических объединений страны, замкнутых семейных концернов, которые играли ведущую роль в структуре японской экономики. В декабре 1945 г. была издана директива оккупационных властей об ограничении имущества и деятельности 336 компаний, связанных с концернами. Операции этих компаний с ценными бумагами и другими активами были поставлены под контроль оккупационных властей. В феврале 1946 г. были ограничены в правах занимать руководящие посты в компаниях 56 членов семей руководящих деятелей дзайбацу, что должно было способствовать устранению господства дзайбацу над другими компаниями посредством личной унии. В апреле 1947 г. был опубликован Закон о запрещении монополий и обеспечении справедливых сделок. В сентябре 1947 г. в списки предназначенных к роспуску вошли 83 холдинга и связанные с ними 4500 компаний. Торговые дома концернов Мицуи и Мицубиси – «Мицуи буссан» и «Мицубиси сёдзи» предлагалось разделить соответственно на 184 и 139 компаний; их служащим, начиная от начальника отдела и выше, запрещалось создавать новую компанию, и двум служащим этого ранга не разрешалось служить в одной компании; 100 служащим более низких рангов запрещалось создавать новую компанию или работать вместе в одной фирме; не разрешалось использовать бренды «Мицуи буссан» и «Мицубиси сёдзи»¹.

Была проведена земельная реформа, в основу которой положен принцип превращения арендаторов в собственников путем выкупа государством помещичьей земли сверх установленного лимита с последующей продажей ее крестьянам. Подлежала выкупу вся земля «отсутствующих помещиков» и арендная земля других помещиков площадью свыше 3 га. При продаже земли предпочтение отдавалось тем арендаторам, которые обрабатывали ее.

Земельная реформа была в основном закончена в 1949 г. По официальным данным на 1950 г., государство выкупило и продало крестьянам 80% всей арендной земли. Все эти мероприятия создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. В условиях отсутствия рентных платежей у крестьян возникла заинтересованность

осуществлять инвестиции в технические новшества, что привело к росту сельскохозяйственного производства, прежде всего урожая риса. Практически за два года был ликвидирован продовольственный кризис (а в начале 50-х годов уровень производства достиг довоенной отметки), положение в деревне стабилизировалось, она перестала быть источником социальных конфликтов и базой радикальных политических сил, правящая элита получила весьма устойчивый электорат. Действительность подтвердила слова Д. Макартура о земельной реформе: «Не может быть прочнее фундамента для здоровой и умеренной демократии и крепче бастиона против давления экстремистской философии» [4; 85].

Осуществление программы экономической стабилизации было поручено американскому банкиру Дж. Доджу (автору проекта денежной реформы в Германии), который прибыл в Японию по поручению президента Трумэна в феврале 1949 г. Эта программа получила название «линии Доджа» и предусматривала, прежде всего, жесткое сбалансирование бюджета на основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат, а также установление единого обменного валютного курса. В том же году профессором Колумбийского университета К. Шоупом была проведена налоговая реформа.

Данные преобразования проводились в условиях жесткой дисциплины, даже диктатуры: саботажники штрафовались, подвергались тюремному заключению, их имущество конфисковывалось. Одновременно запускались конверсионные предприятия, заводы, остановленные в довоенный и военный периоды.

Были проведены следующие мероприятия:

- введена процедура банкротств, реорганизация и ликвидация компаний;
- восстановление контроля над ключевыми отраслями экономики;
- жесткий контроль за уровнем цен и заработной платы.

И уже в самую последнюю очередь, когда американская оккупация подходила к концу, в стране была проведена шоковая терапия. Она включала в себя:

- бюджетную реформу, основой которой стал баланс государственных доходов и расходов по всем статьям, отмену дотаций убыточным предприятиям, сокращение расходов на управление;
- новую кредитную политику, направленную на предотвращение кредитной экспансии;

- ценовую реформу, которая заключалась в отмене фиксированных цен;
- валютную реформу, установившую фиксированный курс иены по отношению к американскому доллару на уровне 360 иен за доллар [2; 18].

Политические меры по интенсивной стабилизации экономики начали приносить свои плоды: замедлилась инфляция, а бюджетный дефицит сменился профицитом, но в то же время росла безработица, и большое количество предприятий, лишенных субсидирования, вынуждены были объявить себя банкротами, что не могло не вылиться в еще большее нарастание социальной напряженности. Шаги же, предпринимаемые для предотвращения ее последствий, носили уже весьма репрессивный характер.

Из вышесказанного ясно следует, что политические, экономические и социальные перемены в Японии в первые послевоенные годы были обусловлены практически исключительно политической волей США и в ознаменование обеспечения их политических и стратегических интересов. Из-за изменения ситуации в регионе меры по демилитаризации и демократизации Японии к началу 1950-х годов сменились энергичными усилиями по превращению Японии в надежного союзника США и проводника стратегических интересов Вашингтона, которые значительно активизировались с началом корейской войны, то есть политический модернизационный процесс был заморожен, и силы были направлены на сохранение внутренней стабильности и экономическое развитие Японии.

Примечание

¹ В декабре 1948 г. в связи с изменением американской политики данная директива была отменена, и из первоначально предназначенных к расчленению 600 компаний осталось лишь 18, в том числе «Мицубиси дзюкогё» (машиностроительная) и «Ниппон сэйтэцу» (металлургическая) были разделены на 2-3 компании, а торговые дома, как и планировалось, соответственно на 184 и 139 фирм; из 83 холдингов, подлежащих роспуску, были распущены 42 и 26 их вновь созданных дочерних фирм. [1; 86-93].

Литература

1. Динкевич А.И. К осмыслению опыта экономического развития Японии // Российский экономический журнал. 1992. № 10.
2. Динкевич А.И. Экономика послевоенной Японии. М., 1958.

3. Киндай нихон кэйдзай си ёран (Справочник по экономической истории со-временной Японии). Токио, 1975.
4. Douglas MacArthur. A soldier speaks. New York, 1965.
5. Mutual Images: Harvard Studies in American-East Asian Relations. Harvard, 1975.

Кравцов Н.А. ©

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права
Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

О ЗНАЧЕНИИ ПРОБЛЕМАТИКИ ИСКУССТВА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ АРИСТОТЕЛЯ

На фоне творчества Платона, придававшего вопросу о роли искусства для государства принципиальнейшее значение, может показаться, что Аристотель почти совершенно игнорирует эти вопросы. Однако это не так. «Аристотелевское требование придерживаться золотой середины в размерах государства, его населении, богатстве граждан и прочем, близко к чисто эстетическому требованию соразмерности, предъявляемому к произведению искусства. Для древнего грека искусство есть подражание природе. Сама же природа дает нам образец целесообразности. Произведение природы прекрасно, поскольку оно соответствует своей цели. Отсюда гениальное прозрение Аристотеля, который в отличие от предшественников, счел необходимым определить сначала естественную цель государства, а затем – найти самую соразмерную форму, которая бы сделала государство целесообразным. «Политика» Аристотеля в каком-то смысле – эстетика государства. Это эстетика, в которой чувство формы не сводится к формализму, ввиду неизменно го требования целесообразности» [3;108].

«Эстетическое начало вообще занимает важное место в аристотелевском учении о государстве. Критикуя Платона, он видит в его государстве простой унисон, стремящийся занять место сложной гармонии. У Аристотеля государство подобно аккорду. Гармония музыкального созвучия заключается в правильном сочетании различных

звучков. Государственная гармония состоит в верном сочетании разнородных элементов. Помимо всего прочего, отличие государственного мужа от главы семейства состоит в необходимости овладения искусством такого сочетания. Государственный муж должен обладать внутренним чувством целесообразности, которое ему необходимо подобно тому, как музыканту необходим музыкальный слух. Государственный муж – творец, в то время, как глава семейства просто правитель. Первый творит, второй – направляет» [3;109].

Эстетическая составляющая политической концепции Аристотеля не стала секретом для А.Ф. Лосева, который видел ее, прежде всего, в проведении принципа пропорциональности: «Государство, как и всякое тело, может изменяться и не погибать при условии сохранения его пропорций, то есть внутренней симметрии его частей; если же эта пропорция нарушается, то погибает и само государство или переходит в другое. Крайняя демократия аналогична тирании и деспотии. Пропорциональность существует и между отдельными государствами» [6;162].

Сближение политической проблематики с проблематикой искусства зачастую проявляется у Аристотеля в системе аналогий. Вот, к примеру, один из интереснейших образцов такого уподобления. Аристотель пишет: «Рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по видимому, необходимым общим достоянием и подчинённых и правителей; от подчинённого нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчинённый – это как бы мастер, делающий флейты, а правитель – это флейтист, играющий на флейте» [2;452].

Если мы представляем себе политическую жизнь, как некоторую разновидность публичного действия (а такой аспект у неё также присутствует), то очевидно, что «у Аристотеля действие обретает классическую форму. Его элементы государственной власти – как необходимые ампулы в театре. А формы государства подобны набору жанров. Эстетическое чувство, создавшее классицизм греческого театра, требовало классицизма в политике. Однако теоретик этого классицизма явился слишком поздно – накануне катастрофы, разрушившей все здание» [3; 110].

Одно из важнейших теоретических достижений Аристотеля состоит в том, что, в отличие от предыдущих представителей греческой мысли, он проводит различие между наукой и искусством, с одной стороны, и ремеслом – с другой. В его понимании, «ремесленники действуют не столько с пониманием идеи того, что они создают,

сколько на основании простой привычки работать так, а не иначе. Искусство же и наука, наоборот, в своей деятельности руководствуются принципами создаваемых предметов, пониманием их причин» [5;402-403].

Также, он отграничивает искусство от науки. И то и другое, в отличие от ремесла относится не к сфере житейского интереса, а к сфере интеллектуального созерцания, досуга [5;407]. Но при этом, искусство относится не к сущему, а к возможному, оно в отличие от науки не включает в себя систему логических доказательств [5;407-412].

Для Аристотеля проблематика искусства была, прежде всего, связана с проблематикой воспитания граждан, которой он уделял исключительное внимание в своём политическом проекте. При этом важно, что «Аристотель в вопросах воспитания стоит на общегосударственной точке зрения. Для него немыслимо, чтобы это воспитание проводилось частными людьми» [5;461]. А, следовательно, у Аристотеля, как и у Платона, вопросы искусства не являются частными вопросами. Они носят общегосударственный характер именно потому, что связаны с общегосударственным эстетическим воспитанием граждан.

Общие принципы этого воспитания, анализируя учение Аристотеля, в своё время выделил А.Ф. Лосев. И в его анализе для нас наиболее интересны и значимы первые два принципа: «а) Эстетическое воспитание носит общегосударственный масштаб и не зависит от личной инициативы каждого из граждан. Можно сказать, что отдельное лицо получает это воспитание только в меру эстетического развития всей страны, всего общества в целом. Античность в этом смысле – антипод всякого индивидуализма. б) Эстетическое воспитание есть достояние преимущественно свободнорожденных, а не рабов и не наёмников, и только свободнорожденные имеют способность получать от музыки доставляемую ей пользу. Она доставляет отдохновение от трудов, способствует развитию эстетического сознания и научает достойно пользоваться своим досугом» [5;653].

Проблематика искусства в связи с политической проблематикой начинает волновать Аристотеля уже в самом начале его философского творчества. Уже тогда он прибегает к своему излюбленному методу аналогий. В раннем трактате «**Протрептика**», дошедшем до нас в самом фрагментарном виде, мы встречаемся с примером такой аналогии. Здесь Аристотель сравнивает бестолкового политика, бездумно копирующего законы других народов с архитектором, который использует для строительства неподходящие инструменты [7].

Нельзя упускать из виду и другого обстоятельства. Аристотель не только придаёт эстетический контекст своим политическим рассуждениям, но и, напротив, вносит политический контекст в свои эстетические труды. Ярким примером может служить знаменитый трактат «Поэтика». В его тексте мы снова находим любопытную аналогию. Рассуждая о трагедии, Аристотель, помимо прочего, замечает: «Третье в трагедии – мысль, то есть умение говорить существенное и уместное в речах; это составляет задачу политики и риторики – у древних поэтов лица говорят, как политики, у новых – как риторы» [1;653].

Интересно, что политическое звучание «Поэтики» не сводится только к применению изящных аналогий. Недавно скончавшийся авторитетный французский исследователь Ф. Лаку-Лабарт критиковал тех, кто не замечает политического смысла аристотелевской «Поэтики», сомневаясь, что подобные исследователи смогут доказать, будто «в предлагаемой Аристотелем... «функциональной» интерпретации трагедии (поскольку именно здесь сердцевина «Поэтики»), два аффекта, порождающих катарсис, - страх и сострадание – не являются на самом деле собственно политическими переживаниями, т.е. не имеют отношения к происхождению социальности – ни диссоциации, ни ассоциации... Если современная поэтика... забыла об этой политической предопределенности своих вопросов и своего поля или ничего не хочет об этом знать..., - то это свидетельствует в целом лишь о забвении ей всего понемногу и, особенно, философии...» [4;11].

Анализируя аристотелевский подход к взаимодействию искусства и политики, нельзя пройти и мимо трактата «Проблемы». В этом трактате, помимо прочего, Аристотель рассуждает о музыке. И в этой части его рассуждений для нас более всего интересно то, что он не сомневается в правильности учения о музыкальном этосе. Сразу заметим, что приверженность его этому учению окажет существенное влияние на содержание трактата «Политика».

В «Проблемах» Аристотель, ничуть не сомневаясь в самом феномене нравственного воздействия музыки, пытается разобраться в механизме этого воздействия. В связи с этим, он пишет: «Почему звуковое восприятие единственное, которое обладает нравственным характером? В самом деле, какая-нибудь песня, если даже она исполняется без слов, обладает, тем не менее, этим характером, в то время как цвет, запах и вкус его лишены. Не потому ли, что это восприятие включает в себя впечатление, которое не есть то, что мы чувствуем от шума, и которое существует также для прочих чувств? Так цвет действует на чувство зрения. Но здесь [то есть – в случае со звуком –

Н.К.] мы испытываем также впечатление последующее этому шуму. Тем не менее, это впечатление имеет некоторое подобие нравственности и в ритмах и в мелодическом расположении высоких и низких звуков. Не так в их сочетании, поскольку созвучие не имеет нравственного характера. Напротив, в иных чувственных восприятиях это не имеет места. Эти впечатления относятся к действию, однако действия обозначают нравственные качества» [8].

В другом месте трактата Аристотель возвращается к рассмотрению этого вопроса и делает любопытное уточнение: «Почему ритмы и пение, издаваемые голосом, уподобляются нравственным качествам, но не таковы вкусы, а тем более цвета и запахи? Потому что они, подобно действиям, являются движениями. А действие это уже нравственный факт и определяет нравственные качества, в то время, как вкусы, запахи и цвета не производят того же результата» [8]. Здесь обратим внимание на то, что Аристотель, подобно своим предшественникам, рассуждавшим об этосе музыки, признаёт факт нравственного воздействия разных элементов музыкальной ткани, и в том числе – ритма. Это важная деталь, поскольку интерес к нравственному воздействию ритма в античном музыковедении позже переживёт заметный упадок. Уже Плутарх в трактате «О музыке» с горечью замечает: «Нынешние музыканты любят мелодию, тогда как раньше они любили ритм» [9].

В «Проблемах» Аристотель рассуждает и о происхождении музыкального жанра «номос», название которого омонимично древнегреческому слову «номос» (то есть – «закон»). Его версия выглядит следующим образом: «Почему мелодии, которые поются, называют «номами»? Потому что до познания письменности законы пели, чтобы не забыть их, каковой обычай сохраняется ещё у агафирсов» [8].

Вопрос этот был далеко не праздным для древнегреческих учёных. И версий относительно происхождения «номов» было множество. К примеру, у Плутарха мы обнаружили такую версию: «Их называли «номами», то есть законами, поскольку они были подобиями шкалы, от которой не дозволялось отклоняться. И поэтические тексты были подчинены строгим правилам» [9]. Можно сделать вывод, что греки и сами с трудом представляли себе, что представлял собой этот жанр изначально.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что, ещё, начиная с раннего периода творчества, проблематика искусства волновала Аристотеля не только в эстетическом, но и в политико-правовом её аспекте. Особое значение она приобрела в тракта-

те «Политика». Однако анализ этого трактата требует отдельного внимательного рассмотрения.

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Сочинения в четырёх томах. Т. 4 – М., 1983.
2. Аристотель. Политика // Сочинения в четырёх томах. Т. 4 – М., 1983.
3. Кравцов Н.А. Рассуждения о политике и культуре // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2005, том 3, n4.
4. Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии Наук. – СПб., 1999.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М., 2000.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга II. – М., 2000.
7. Aristote. La Propreptique. Fragments. - http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/-384_-322,_Aristoteles,_Protreptique,_FR.pdf
8. Aristote. Problemes musicaux. <http://remacle.org/bloodwolf/philosophes/Aristote/problemesmusicaux.htm>.
9. Plutarque. De la musique – Paris, 1900.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ПОЛИТИКА И ПРАВО
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА**

***МАТЕРИАЛЫ
XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ***

14-15 апреля 2015 г.

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27.
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 20.04.2015. Выход из печати 25.05.2015
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Тираж 100 экз. Заказ 044.

«Институт Стратегических Исследований»
Под общ. ред. А.Ф. Долматова
Цена свободная.